

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

А. Гераскина

В СТРАНЕ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ

2

2

СТРЕКОЗА-ПРЕСС

В Стране Невыученных Уроков

А. Гераскина

А. Тerasкина

В СТРАНЕ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ

— Давай делать уроки вместе! — предложила Люська и через окно влезла в мою комнату.

В тот день, когда всё это началось, мне не везло с самого утра. У нас было пять уроков. И на каждом меня вызывали. И по каждому предмету я получил двойку. Всего пять двоек за день! Четыре двойки, наверное, я получил за то, что отвечал не так, как хотелось бы учителям. А вот пятую двойку поставили совсем несправедливо.

Даже смешно сказать, из-за чего мне влепили эту несчастную двойку. За какой-то круговорот воды в природе.

Интересно, что бы вы ответили на такой вопрос учительницы:

— Куда девается вода, которая испаряется с поверхности озёр, рек, морей, океанов и луж?

Не знаю, что бы вы ответили, а мне ясно, что если вода испаряется, то её уже нет. Ведь не зря же говорят про человека, который вдруг куда-то скрылся: «Он испарил-

ся». Это значит — он исчез. Но Зоя Филипповна, наша учительница, почему-то стала придираться и задавать лишние вопросы.

— Куда исчезает вода? А может быть, она всё-таки не исчезает? Может, ты хорошенько подумаешь и ответишь как следует?

По-моему, я и так ответил как следует. Зоя Филипповна, конечно, со мной не согласилась. Я давно заметил, что учителя редко со мной соглашаются. Есть у них такой отрицательный минус.

Кому охота спешить домой, если несёшь в портфеле целую кучу двоек? Мне, например, неохота. Поэтому я и шёл домой через час по столовой ложке. Но как медленно не иди, а всё равно придёшь домой. Хорошо ещё, что папа в командировке. А то сразу бы начался разговор о том, что у меня нет характера. Об этом папа вспоминал всегда, как только я приносил двойку.

— И в кого ты такой? — удивлялся папа. — Совсем нет характера. Не можешь взять себя в руки и хорошо учиться.

— Воли у него нет, — добавляла мама и тоже удивлялась: — В кого бы это?

Мои родители имеют твёрдый характер и сильную волю, а вот я, оказывается, по-

чему-то не имею. Поэтому-то я и не решил-ся сразу притащиться домой с пятью двойками в портфеле.

Чтобы подольше тянуть время, я заходил по дороге во все магазины подряд. В книжном я встретил Люсю Карандашкину! Она моя соседка два раза: живёт в одном доме со мной, а в классе сидит позади меня. Нигде от неё нет покоя — ни в школе, ни дома. Люся уже успела пообедать и прибежала в магазин за тетрадками. Был здесь и Серёжа Петькин. Он пришёл узнать, не получены ли новые марки. Серёжа покупает марки и воображает себя филателистом. А по-моему, так собирать коллекцию марок может каждый дурак, если у него есть деньги.

Я не хотел встречаться с ребятами, но они меня заметили и сразу же стали обсуждать мои двойки. Конечно, они доказывали, что Зоя Филипповна поступила справедливо. А когда я их припёр к стенке, то вышло, что они тоже не знали, куда девается испарившаяся вода. Небось влепила бы им Зоя за это по двойке, они бы сразу запели другое.

Мы спорили, кажется, немного шумно. Продавщица предложила нам выйти из магазина. Я сейчас же ушёл, а ребята остались. Продавщица сразу догадалась, кто из нас лучше воспитан. А ведь завтра они будут рассказывать, что шум в магазине поднял я. Пожалуй, ещё разболтают, что я на прощанье показал им язык. А что тут, спрашивается, плохого? Анна Сергеевна, наш школьный врач, нисколько на это не обижается, она даже сама просит, чтобы ребята показывали ей язык. А она-то знает, что хорошо, а что плохо.

Когда меня выставили из книжного магазина, я понял, что очень проголодался. Есть хотелось всё больше, а идти домой — всё меньше.

На пути остался только один магазин. Неинтересный — хозяйственный. В нём противно пахло красками, мылом и керосином. Из него тоже пришлось уйти. Продавец три раза меня спросил:

— А что тебе здесь надо, мальчик?

Мама открыла дверь молча. Но это меня не порадовало. Я знал, что она сначала накормит меня, а потом...

Скрыть двойки было невозможно. Мама давно сказала, что читает в моих глазах всё, что я хочу от неё скрыть, в том числе и то, что написано в моём дневнике. Какой же смысл врать?

Я ел и старался не смотреть на маму. Думал, сможет ли она прочесть в моих глазах сразу про все пять двоек?

Кот Кузя спрыгнул с подоконника и завертелся у моих ног. Он очень меня любит и ласкается совсем не потому, что ждёт от меня что-нибудь вкусное. Кузя знает, что я пришёл из школы, а не из магазина, значит, ничего, кроме плохих отметок, принести не мог.

Я старался есть как можно медленней, но это не получалось, оттого что я сильно проголодался. Мама сидела напротив, смотрела на меня и ужасно молчала. Вот сейчас, когда я съем последнюю ложку компота, и начнётся...

Но раздался телефонный звонок. Ура! Звонила тётя Поля. Раньше чем через час она не отпустит маму от телефона.

— Немедленно садись за уроки, — приказала мама и взяла трубку. За уроки, ког-

да я так устал! Хотелось хоть часок отдохнуть и поиграть во дворе с ребятами. Но мама зажала трубку рукой и сказала, что я могу прогулку по магазинам засчитать себе за отдых. Вот как она умеет читать по глазам! Боюсь, что она прочтёт и про двойки.

Пришлось уйти в свою комнату и засесть за уроки.

— Убери на своём столе! — крикнула вдогонку мама.

Легко сказать — убери! Я иногда просто удивляюсь, глядя на свой стол. Как много предметов на нём умещается! Тут рваные учебники и тетрадки в четыре листика, ручки, карандаши, линейки. Их, правда, теснят гвозди, шурупы, обрывки проволоки и другие нужные вещи. Вообще, я очень люблю гвозди. Они у меня есть всех размеров и разной толщины. А мама почему-то их совсем не любит. Она много раз выбрасывала их, но они снова возвращаются на мой стол, как бумеранги. Мама сердится на меня за то, что я больше люблю гвозди, чем учебники. А кто виноват? Конечно, не я, а учебники. Не надо быть такими скучными.

На этот раз я управился с уборкой быстро. Выдвинул ящик стола и сгрёб туда все вещи. Скоро и удобно. И пыль сразу стирается. Теперь можно было приняться за уроки. Я раскрыл дневник, и передо мной замелькали двойки. Они были такие заметные потому, что их написали красными чернилами. По-моему, это неправильно. Зачем писать двойку красными чернилами? Ведь всё хорошее тоже отмечают красным. Например, праздники и воскресенья в календаре. Посмотришь на красную цифру — и радуешься. В школу ходить не надо. Пятёрку тоже можно писать красными чернилами. А тройку, двойку и кол — только чёрными! Удивительно, как наши учителя сами не могут до этого додуматься!

Уроков, как нарочно, задали очень много. А день был солнечный, тёплый, и мальчишки во дворе гоняли мяч. Интересно, кто стоял вместо меня в воротах? Наверное, опять Сашка. Он давно метит на моё место у ворот. Это просто смешно. Все знают, какой он сапожник.

Кот Кузя устроился на подоконнике и оттуда, как с трибуны, следил за игрой. Кузя не пропускает ни одного матча, а папа и мама не верят, что он настоящий болельщик. И зря. Он даже любит слушать, когда я рассказываю о футболе. Не перебивает, не уходит, даже мурлычет. А кошки мурлычут только тогда, когда им приятно.

Мне задали правила по безударным гласным. Надо было их повторить. Я этого делать, конечно, не стал. Бесполезно повторять то, чего всё равно не знаешь. Потом надо было прочитать про этот самый круговорот воды в природе. Я вспомнил Зою Филипповну и решил лучше заняться арифметикой.

Тут тоже ничего приятного не было. Какие-то землекопы рыли, неизвестно для чего, какую-то траншею. Не успел выписать условия, как заговорил репродуктор. Можно было бы немножко отвлечься и послушать. Но чей голос я услышал? Голос нашей Зои Филипповны! Она по радио давала советы ребятам, как надо готовиться к экзаменам, рассказывала, как это делает наша лучшая ученица Катя Пятёркина.

Так как готовиться к экзаменам я не соби-
рался, радио пришлось выключить.

Задача была очень трудная и бестолко-
вая. Я уже почти стал догадываться, как
её надо решить, но... в окно влетел фут-
больный мяч. Это ребята вызывали меня
во двор. Я схватил мяч и хотел было вы-
лезти через окно, но мамин голос догнал
меня на подоконнике.

— Витя! Ты делаешь уроки? — кричала
она из кухни. Там у неё что-то кипело и
ворчало на сковородке. Поэтому мама не
могла прийти и выдать мне, что полагает-
ся, за побег. Она почему-то очень не люби-
ла, когда я выходил через окно, а не через
дверь. Хорош бы я был, если бы мама во-
шла!

Я слез с подоконника, швырнул ребятам
мяч и ответил маме, что делаю уроки.

Снова открыл задачник. Пять землеко-
пов выкопали траншею в сто погонных ме-
тров за четыре дня. Что бы придумать для
первого вопроса? Я уже начал было сооб-
ражать, но мне снова помешали. В окно за-
глянула Люська Карандашкина. Одна ко-
сичка была у неё перевязана красной лен-

той, а другая — распущена. И это не только сегодня. У неё почти каждый день так. То правая косичка распущена, то левая. Лучше бы она больше внимания обращала на свою причёску, чем на чужие двойки, тем более что у неё и своих хватает. Люся сказала, что задача о землекопах такая трудная, что даже её бабушка не могла решить. Счастливая Люська! А у меня нет никакой бабушки.

— Давай решать вместе! — предложила Люська и через окно вошла в мою комнату.

Я отказался. Ничего хорошего из этого бы не вышло. Лучше уж самому.

Снова стал рассуждать. Пять землекопов вырыли траншею в сто погонных метров. Погонных? Почему метры называются погонными? Кто их погоняет?

Я стал думать про это и сочинил про это скороговорку: «Погонщик в погонах погонял погонным метром...». Тут мама снова закричала из кухни. Я спохватился и стал сильно трясти головой, чтобы забыть о погонщике и погонах и вернуться к землекопам. Ну что мне с ними делать?

А хорошо бы погонщика назвать Паганелем.

— Ну а землекопы? Как с ними быть? Может, помножить их на метры?

— Не надо помножать, — возразила Люся, — всё равно ничего не узнаешь.

Назло ей я всё-таки помножил землекопов. Правда, ничего хорошего про них не узнал, но зато теперь можно было переходить ко второму вопросу. Тогда я решил разделить метры на землекопов.

— Не надо делить, — опять вмешалась Люся. — Я уже делила. Ничего не получается.

Конечно, я не послушался и разделил. Получилась такая ерунда, что я стал искать ответ в задачнике. Но, как назло, там была вырвана страница с ответом про землекопов. Пришлось всю ответственность взять целиком на себя. Я всё перерешил. Вышло, что работу должны были выполнить полтора землекопа. Почему полтора? Откуда я знаю! В конце концов, какое мне дело, сколько землекопов рыли эту траншею? Кто теперь вообще роет землекопами? Взяли бы экскаватор и сразу бы по-

кончили с траншеей. И работу бы скорей сделали, и школьникам бы голову не морочили. Ну как бы там ни было, а задача решена. Можно уже побежать к ребятам. И я, конечно, побежал бы, но меня остановила Люська.

— А когда мы будем учить стихи? — спросила она у меня.

— Какие стихи?

— Как какие? Забыл? А «Зима. Крестьянин, торжествуя»? Я никак не могу их запомнить.

— Это потому, что они неинтересные, — сказал я. — Вот те стихи, что сочинили в нашем классе мальчишки, сразу запоминаются. Потому что интересные.

Люся новых стихов не знала. Я их прочёл ей на память.

Нам учиться целый день

Лень, лень, лень.

Надоело!

Нам бы бегать и играть,

Мяч бы по полю гонять —

Это дело!

Люсе стихи так понравились, что она их сразу запомнила. Вдвоём мы быстро одоле-

ли «крестьянина». Я уже собирался потихоньку вылезти в окно, но Люся опять вспомнила, что мы ещё должны вставлять в слова пропущенные буквы. У меня даже зубы заныли от досады. Кому интересно делать бесполезную работу? Буквы в словах пропускают, как нарочно, самые трудные. По-моему, это нечестно. Как бы не хотелось, а вставлять пришлось.

П...друга дней моих суровых,
Г...лубка дряхлая моя.

Люся уверяет, что это стихотворение Пушкин написал своей няне. Это ей сказала бабушка. Неужели Карандашкина считает меня таким простачком? Так я и поверю, что у взрослых бывают няни. Просто бабушка посмеялась над ней, и всё.

Но как же быть с этой «п...*другой*»? Мы посоветовались и решили уже вставить букву «а», как вдруг в комнату ввалились Катя и Женьчик. Не знаю, почему им вздумалось припереться. Я, во всяком случае, их не приглашал. Не хватало ещё, чтобы Катька отправилась на кухню и доложила моей маме, сколько двоек я сегод-

ня нахватал. Ко мне и Люсе эти зубрилы относятся свысока, потому что учатся лучше нас. У Кати были выпученные круглые глаза и толстые косы. Этими косами она гордилась так, как будто их выдали ей за хорошую успеваемость и отличное поведение. Говорила Катя медленно, нараспев, всё делала с толком и никогда не спешила. А о Женьчике просто и рассказывать нечего. Он сам по себе почти и не говорил, а только повторял Катины слова. Женьчиком звала его бабушка, которая провожала его в школу, как маленького. Только Катя звала его Евгением. Она любила всё делать правильно.

Катя поздоровалась, как будто мы с нею сегодня не виделись, и сказала, посмотрев на Люсю:

— Опять у тебя коса расплелась. Это не-ряшливо. Причешись.

Люся боднула головой. Она не любила причёсываться. Она не любила, когда ей делали замечания. Катя вздохнула. Женьчик тоже вздохнул. Катя покачала головой. Женьчик тоже покачал.

— Раз вы здесь оба, — сказала Катя, — мы вас двоих и подтянем.

— Подтягивайте скорей, — закричала Люся, — а то нам некогда. Мы ещё не все уроки сделали!

— А какой у вас ответ получился в задаче? — спросила Катя, точь-в-точь как Зоя Филипповна.

— Полтора землекопа, — ответил я нарочно очень грубо.

— Неправильно, — спокойно возразила Катя.

— Ну и пусть неправильно. Тебе-то что! — ответил я и сделал ей страшную гримасу.

Катя опять вздохнула и покачала головой. Женьчик, конечно, тоже.

— Ей больше всех надо! — выпалила Люська.

Катя поправила свои косы и медленно сказала:

— Пойдём, Евгений. Они ещё и грубят.

Женьчик рассердился, покраснел и самостоятельно выругал нас. Мы так этому удивились, что ничего ему не ответили. Катя сказала, что они сейчас же уйдут и от этого будет хуже только нам, так как мы останемся неподтянутыми.

— Прощайте, лодыри, — ласково сказала Катя.

— Прощайте, лодыри, — пискнул Женьчик.

— Попутный ветер в спину! — гаркнул я.

— До свидания, Пятёркины-Четвёркины! — пропела смешным голосом Люська.

Это было, конечно, не совсем вежливо. Ведь они были у меня в доме. Почти в гостях. Вежливо — невежливо, а я их всё-таки выставил. Да и Люська убежала вслед за ними.

Я остался один. Просто удивительно, до чего не хотелось делать уроки. Конечно, если бы у меня была сильная воля, я взял бы, назло себе, и сделал. Вот у Кати небось сильная воля. Надо будет помириться с нею и спросить, как она её приобрела. Папа говорит, что каждый человек может выработать волю и характер, если он борется с трудностями и презирает опасность. Ну а с чем мне бороться? Папа говорит — с ленью. Но разве лень — трудность? А вот опасность я бы с удовольствием презирал, до только где её возьмёшь?

Я был очень несчастным. Что такое несчастье? По-моему, когда человека заста-

вляют силой делать то, что ему совсем не хочется, это и есть несчастье.

За окном кричали мальчишки. Солнце светило, очень сильно пахло сиренью. Меня тянуло выпрыгнуть в окно и побежать к ребятам. Но на столе лежали мои учебники. Они были изорванные, залитые чернилами, грязные и ужасно скучные. Но они были очень сильными. Они держали меня в душной комнате, заставляли решать задачу про каких-то допотопных землекопов, вставлять пропущенные буквы, повторять никому не нужные правила и делать многое другое, что мне было совсем неинтересно. Я так вдруг возненавидел свои учебники, что схватил их со стола и что было сил швырнул на пол.

— Пропадите вы пропадом! Надоели! — закричал я не своим голосом.

Раздался такой грохот, словно с высокого дома на мостовую упали сорок тысяч железных бочек. Кузя метнулся с подоконника и прижался к моим ногам. Стало темно, как будто потухло солнце. Потом комната озарилась зеленоватым светом, и я заметил каких-то странных человечков.

На них были балахоны из покрытой кляксами мятой бумаги. У одного на груди чернело очень знакомое пятно с ручками, ножками и рожками. Точно такие же ножки-рожки я пририсовал кляксе, которую посадил на обложку учебника географии.

Человечки молча стояли вокруг стола и сердито на меня смотрели. Надо было что-то немедленно делать. Поэтому я вежливо спросил:

— А кто вы такие будете?

— Ты присмотрись внимательней, может быть, и узнаешь, — ответил человечек с кляксой.

— Он не привык глядеть на нас внимательно запятая, — гневно сказал другой человечек и пригрозил мне пальчиком, выпачканным чернилами.

Я всё понял. Это были мои учебники. Они почему-то ожили и явились ко мне в гости. Если бы вы слышали, как они меня упрекали!

— Ни под каким градусом широты и долготы никто и нигде на земном шаре так не обращается с учебниками, как ты! — кричала География.

— Ты обливаешь нас чернилами восклицательный знак! Ты рисуешь на наших страницах всякую ерунду восклицательный знак! — надрывалась Грамматика.

— Почему вы так напали на меня? Разве Серёжа Петькин или Люся Карандашкина учатся лучше?

— Пять двоек! — крикнули хором учебники.

— Но я ведь сегодня приготовил уроки!

— Сегодня ты неправильно решил задачу!

— Не усвоил географические зоны!

— Не понял круговорота воды в природе!

Больше всех кипятилась Грамматика.

— Сегодня ты не повторил безударных гласных восклицательный знак! Не знать родного языка тире позор запятая несчастье запятая преступление восклицательный знак!

Терпеть не могу, когда на меня кричат. Тем более хором. Обижаюсь. Вот и сейчас я очень обиделся и ответил, что как-нибудь проживу и без безударных гласных, и без умения решать задачи, и тем более без этого самого круговорота.

Тут мои учебники онемели. Они смотрели на меня с таким ужасом, как будто я в

их присутствии нагрубил директору школы. Потом они стали шептаться и решили, что меня нужно немедленно, как вы думаете что? Наказать? Ничего подобного! Спаси! Чудаки! От чего, спрашивается, спасти?

География сказала, что лучше всего отправить меня в Страну Невыученных Уроков. Человечки сразу же с нею согласились.

— А есть ли в этой стране трудности и опасности? — спросил я.

— Сколько угодно, — ответила География.

— Всё путешествие состоит из трудностей. Это ясно, как дважды два — четыре, — прибавила Арифметика.

— Каждый шаг там грозит опасностью для жизни восклицательный знак! — старалась припугнуть меня Грамматика.

Об этом стоило подумать. Ведь там не будет ни папы, ни мамы, ни Зои Филипповны.

Никто не станет каждую минуту останавливать меня и кричать: «Не ходи! Не бегай! Не прыгай! Не подглядывай! Не подсказывай! Не вертись на парте!». И ещё с

десяток разных «не», которых я терпеть не могу.

Может, как раз в этом путешествии мне удастся развить волю и приобрести характер. Вернусь оттуда с характером — вот папа удивится!

— А может быть, мы придумаем для него что-нибудь другое? — спросила География.

— Не надо мне другого! — закричал я. — Так и быть. Отправляюсь в вашу опасную трудную страну.

Я хотел было спросить их, а удастся ли мне закалить там волю и приобрести характер настолько, чтобы я мог сам добровольно делать уроки. Но не спросил. Постеснялся.

— Решено! — сказала География.

— Ответ правильный. Перерешать не будем, — добавила Арифметика.

— Отправляйся немедленно точка, — закончила Грамматика.

— Ладно, — сказал я как можно вежливей. — Но только как это сделать? Поезда, наверно, в эту страну не ходят, самолёты не летают, пароходы не плывут.

— Мы поступим так запятая, — сказала Грамматика, — как всегда поступали в русских народных сказках точка. Возьмём клубок многоточие...

Но клубка у нас никакого не было. Мама не умела вязать.

— Есть ли у вас в доме что-нибудь шарообразное? — спросила Арифметика, и так как я не понял, что такое шарообразное, она объяснила: — Это всё равно, что круглое.

Круглое! Я вспомнил, что тётя Поля подарила мне в день рождения глобус. Я и предложил этот глобус. Правда, он на подставке, но ведь её и отодрать нетрудно. География почему-то обиделась, замахала ручками и закричала, что она не позволит. Что глобус — великое наглядное пособие! Ну и всё такое прочее, что совсем не шло к делу.

В это время в окно влетел футбольный мяч. Оказывается, он тоже шарообразный. Все согласились засчитать его за клубок.

Мяч будет моим проводником. Я должен идти за ним и не отставать. А если потеряю его, то не смогу вернуться домой и навсег-

да останусь в Стране Невыученных Уроков.

После того как меня поставили в такую колониальную зависимость от мяча, этот шарообразный сам собой вспрыгнул на подоконник. Я полез за ним, а Кузя за мной.

— Назад! — крикнул я коту, но он не послушался.

— Я пойду с тобой, — заявил мой кот человеческим русским голосом.

— Теперь в путь восклицательный знак! — сказала Грамматика. — Повторяй за мной восклицательный знак:

Ты лети, футбольный мяч,
Не вприпрыжку и не вскачь,
Не сбивайся на пути,
Прямо в ту страну лети,
Где живут ошибки Вити,
Чтобы он среди событий,
Полных страха и тревог,
Сам себе помочь бы смог.

Я повторил стихи, мяч сорвался с подоконника, вылетел из окна, а за ним полетели и мы с Кузей. География помахала мне на прощание рукой и крикнула:

— Если тебе придётся очень уж плохо, зови меня на помощь. Так и быть, выручу!

Мы с Кузей быстро поднялись в воздух, а мяч летел перед нами. Вниз я не смотрел. Боялся — голова закружится. Чтобы не было очень страшно, я не сводил глаз с мяча. Долго ли мы летели — не знаю. Не хочу врать. В небе светило солнце, а мы с Кузей неслись за мячом, как будто были привязаны к нему верёвочкой и он тащил нас на буксире. Наконец мяч стал снижаться, и мы опустились на лесную дорогу. Мяч катился, перепрыгивая через пни и поваленные деревья. Он не давал нам никакой передышки. Опять не могу сказать, сколько времени мы шли. Солнце ни разу не закатывалось. Поэтому можно подумать, что мы шли всего один день. Но кто знает, закатывается ли вообще солнце в этой неизвестной стране.

Как хорошо, что Кузя увязался со мной! Как хорошо, что он стал разговаривать, как человек! Мы с ним болтали всю дорогу. Мне, правда, не очень нравилось, что он слишком много рассказывал о своих приключениях: он любил охотиться за мыша-

ми и ненавидел собак. Обожал сырое мясо и сырую рыбу. Поэтому больше всего болтал о собаках, мышах и еде. Всё же он был малообразованным котом. Оказалось, в футболе он ровным счётом ничего не понимал, а смотрел потому, что вообще любил наблюдать за всем, что движается. Это ему напоминало охоту на мышей. Значит, слушал он про футбол только из вежливости.

Мы шли по лесной тропинке. Вдали показался высокий холм. Мяч обогнул его и скрылся. Мы очень испугались и бросились вдогонку за ним. За холмом мы увидели высоченный замок с высоченными воротами и каменным забором. Я присмотрелся к забору и заметил, что он состоит из огромных переплетающихся букв.

У моего папы есть серебряный портсигар. На нём вырезаны две переплетённые буквы — Д и П. Папа объяснил, что это называется вензелем. Так вот этот забор и был сплошным вензелем. Мне даже кажется, что он был и не каменный, а из какого-то другого материала.

На воротах висел замок килограммов в сорок весом. По обеим сторонам входа сто-

яли два странных человечка. Один согнулся так, что казалось, будто он разглядывает свои колени, а другой был прям, как палка.

Согнутый держал огромную ручку, а прямой — такой же карандаш. Они стояли неподвижно, словно неживые. Я подошёл поближе и потрогал согнутого пальцем. Он не пошевелился. Кузя обнюхал обоих и заявил, что, по его мнению, они всё-таки живые, хотя человеком от них не пахнет. Мы с Кузей называли их Крючком и Палкой. Наш мяч рвался в ворота. Я подошёл к ним и хотел попробовать толкнуть замок. А вдруг он не заперт. Крючок и Палка скрестили ручку и карандаш и преградили мне дорогу.

— А ты кто? — отрывисто спросил Крючок.

А Палка, как будто его толкнули под бок, закричал во весь голос:

— Ох! Ах! Ох, ох! Ах, ах!

Вежливо ответил, что я ученик четвёртого класса. Крючок покрутил головкой. Палка разохался так, как будто я сказал что-то очень нехорошее. Потом Крючок покосился на Кузю и спросил:

— А ты, который с хвостом, тоже ученик?

Кузя сконфузился и промолчал.

— Это кот, — объяснил я Крючку, — он животное. А животные имеют право не учиться.

— Имя? Фамилия? — допрашивал Крючок.

— Перестукин Виктор, — ответил я, как на перекличке.

Если бы видели, что стало с Палкой!

— Ох! Ах! Увы! Тот! Самый! Ох! Ах! Увы! — без передышки выкрикивал он минут пятнадцать подряд. Мне это здорово надоело. Мяч привёл нас в Страну Невыученных Уроков. Почему же мы должны стоять у её ворот и отвечать на дурацкие вопросы? Я потребовал, чтобы мне немедленно дали ключ отпереть замок. Мяч шевельнулся. Я понял, что действую правильно.

Палка подал мне громадный ключ и закричал:

— Открывай! Открывай! Открывай!

Я вставил ключ и хотел его повернуть, но не тут-то было. Ключ не поворачивался. Стало ясно, что надо мной смеются.

Крючок спросил, не сумею ли я написать правильно слова: «замочек» и «ключик». Если сумею, ключ тут же отопрёт замок. Отчего же не суметь! Подумаешь, хитрость какая. Неизвестно откуда появилась классная доска и повисла перед самым моим носом прямо в воздухе.

— Пиши! — крикнул Палка и подал мне мел.

Я написал: «*КЛЮЧ*...» и остановился.

— Пиши! Дальше! — приказал Палка.

Хорошо ему было кричать, а если я не знаю, что писать дальше: ЧИК или ЧЕК? Как правильно: клюЧИК или клюЧЕК? То же самое было и с замочком. ЗамоЧИК или замоЧЕК? Было над чем подумать.

Есть же какое-то правило... А какие правила грамматики я вообще знаю? Стал припоминать. Кажется, после шипящих не пишется... Но при чём тут шипящие? Они сюда никак не подходят.

Кузя посоветовал писать наобум. Если напишешь неправильно, потом исправишь. А так разве можно угадать? Это был толковый совет. Я уже собрался так и сделать, но Палка закричал:

— Нельзя! Неуч! Невежда! Увы! Пиши! Сразу! Правильно! — Почему-то он ничего не говорил спокойно, а только всё выкрикивал.

Я сел на землю и стал вспоминать. Кузя всё время вертелся возле меня и часто задевал своим хвостом по лицу. Я прикрикнул на него. Кузя обиделся.

— Зря расселся, — сказал Кузя, — всё равно не вспомнишь.

Но я вспомнил. Назло ему вспомнил! Пожалуй, это было единственное правило, которое я знал. Вот уж не думал, что оно когда-нибудь мне так здорово пригодится!

— Если в родительном падеже в конце слова выпадает гласная, то пишется ЧЕК, а если не выпадает, пишется ЧИК.

Это нетрудно проверить: именительный — замоЧЕК, родительный — замоЧКА. Ага! Буква выпала. Значит, правильно замоЧЕК. Теперь совсем легко проверить и «ключик». Именительный — ключИК, родительный — ключИКА. Гласная остаётся на месте. Значит, надо писать ключИК.

Палка захлопал в ладоши и закричал:

— Чудесно! Прелестно! Восхитительно! Ура!

Я крупными буквами смело написал на доске: ЗАМОЧЕК, КЛЮЧИК. Потом легко повернул ключ в замке, и ворота распахнулись. Мяч покатился вперёд, и мы с Кузей пошли за ним. Палка и Крючок поплелись сзади.

Мы прошли по высоким пустым комнатам и очутились в огромном зале. Здесь кто-то крупно написал красивым почерком прямо на стенах правила грамматики. Путешествие наше начиналось очень удачно. Я легко вспомнил правило и открыл замок! Если всё время будут встречаться только такие трудности, мне и делать тут нечего...

В глубине зала на высоком стуле сидел старик с белыми волосами и белой бородой. Если бы он держал в руках маленькую ёлочку, его можно было принять за Деда Мороза. Белый плащ старика был вышит блестящим чёрным шёлком. Когда я хорошенько рассмотрел этот плащ, то увидел, что он весь вышит знаками препинания.

Возле старика вертелась сгорбленная старушка со злыми красными глазками. Она всё что-то шептала ему на ухо и показывала на меня пальцем. Старуха нам не понравилась сразу. Кузе она напомнила бабушку Люси Карандашкиной, которая часто била его веником за то, что он воровал у неё сосиски.

— Надеюсь, вы примерно накажете этого невежду, ваше величество Глагол Повелительного Наклонения! — визгливо сказала старушка.

Старик важно посмотрел на меня.

— Перестань! Не злись, Запятая! — приказал он злюке.

Оказывается, это была запятая! Ох и кипятилась же она!

— Как же мне не злиться, ваше величество? Ведь мальчишка ещё ни разу не поставил меня на моё место!

Старик сдвинул брови и строго посмотрел на меня.

Запятая ещё больше засуетилась и прошипела:

— Посмотрите на него. Сразу видно, что он безграмотный.

Неужели это было заметно по моему лицу? Или она тоже умела читать в глазах, как моя мама?

— Расскажи, как ты учишься! — приказал мне Глагол.

— Скажи, что хорошо, — прошептал Кузя, но я как-то постеснялся и ответил, что учусь, как все.

— А знаешь ли ты грамматику? — ехидно спросила Запятая.

— Скажи, что отлично знаешь, — снова подсказал Кузя.

Я толкнул его ногой и ответил, что знаю грамматику не хуже других. После того как я при помощи своих знаний открыл замок, я имел полное право так ответить. И вообще, уже хватит задавать вопросы! Но злой старухе до зарезу надо было узнать, какие у меня отметки. Я, конечно, не стал слушать глупые Кузины подсказки и заявил ей, что отметки у меня разные.

— Разные? — зашипела Запятая. — А вот это мы сейчас проверим.

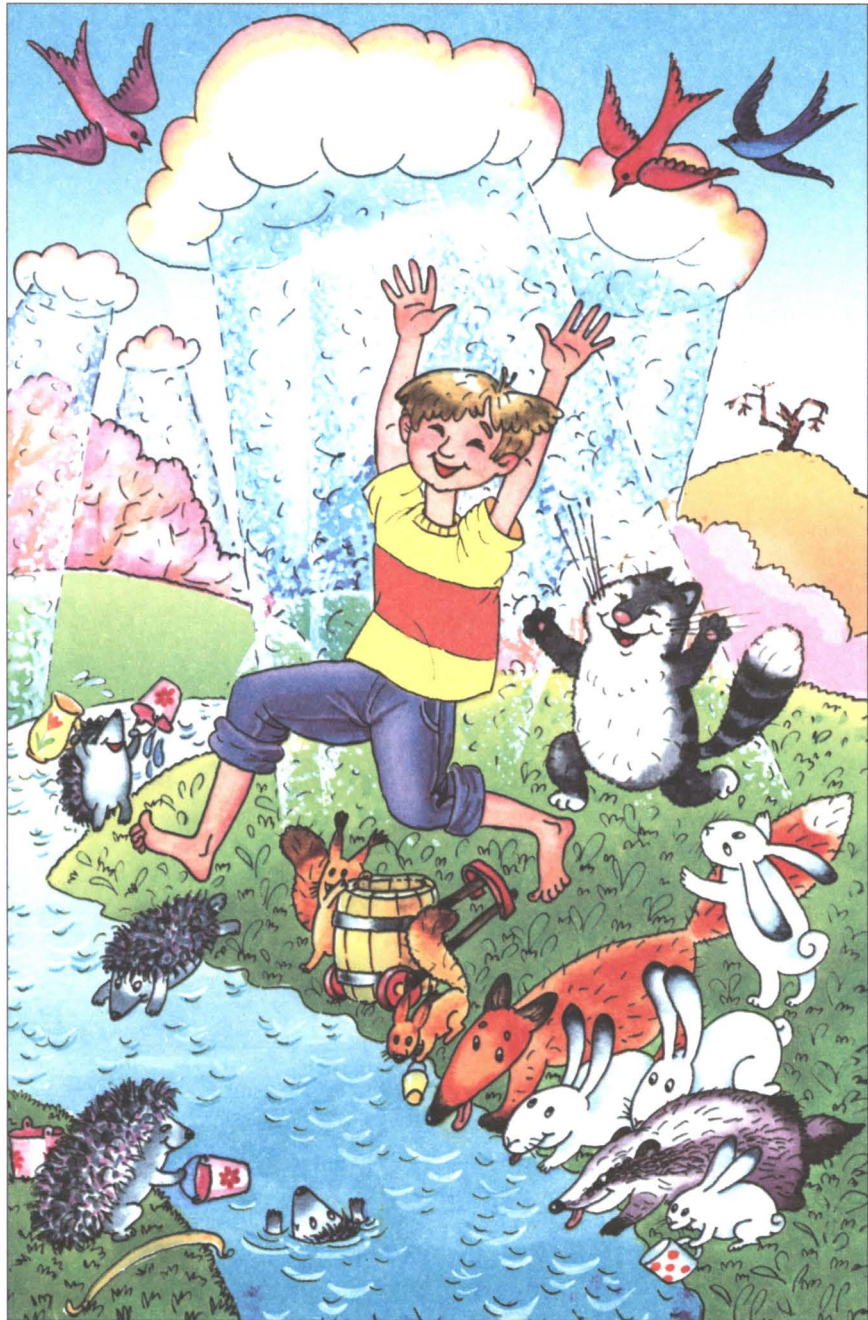
Интересно, как это она могла сделать, если я не взял с собой дневник?

— Давайте документы! — завопила старуха своим противным голосом.

— Надеюсь, вы накажете невежду, ваше величество Глагол Повелительного Наклонения! — визжала горбатая старушка.

— Пейте! Лакайте! Это мой хозяин
сделал дождь! — кричал Кузя.

В зал вбежали человечки с одинаковыми круглыми личиками. У одних были вышиты на белых платицах чёрные кружочки, а у других — крючочки, у третьих — и кружочки, и крючочки. Два человека внесли какую-то огромную синюю папку. Когда они развернули её, я увидел, что это была моя тетрадь по русскому языку. Она почему-то стала чуть не с меня ростом.

Запятая показала первую страницу, на которой я увидел свой диктант. Теперь, когда тетрадь увеличилась, он выглядел ещё безобразней. Ужасно много поправок красным карандашом. А сколько клякс!.. Наверно, тогда у меня было очень плохое перо. Под диктантом стояла двойка, похожая на большую красную утку.

— Двойка! — злорадно объявила Запятая, как будто и без неё не было ясно, что это двойка, а не пятёрка.

Глагол приказал перевернуть страницу. Человечки перевернули. Тетрадка жалобно и тихо застонала. На второй странице я написал изложение. Кажется, оно было ещё хуже диктанта, потому что под ним стоял кол.

— Перевернуть! — приказал Глагол.

Тетрадь застонала ещё жалобней. Хорошо, что на третьей странице ничего не было написано. Правда, я на ней нарисовал рожицу с длинным носом и косыми глазами. Ошибок здесь, конечно, не было, потому что под рожицей я написал всего два слова: *«Эта коля»*.

— Перевернуть? — спросила Запятая, хотя отлично видела, что дальше переворачивать некуда. В тетради насчитывалось всего три страницы. Остальные я вырвал для того, чтобы сделать из них голубей.

— Довольно, — приказал старик. — Как же ты, мальчик, говорил, что отметки у тебя разные?

— Разрешите мне мяукнуть? — неожиданно вылез Кузя. — Прошу прощения, но мой хозяин не виноват. Ведь в тетрадке не только двойки, но есть и единица. Значит, отметки всё-таки разные.

Запятая захихикала, а Палка в восторге закричал:

— Ах! Ох! Уморил! Ой! Потеха! Умник!

Я молчал. Непонятно, что со мной делалось. Уши и щёки горели. Я не мог смотреть старику в глаза. Так, не глядя на не-

го, я и сказал, что он знает, кто я, а я не знаю, кто они такие. Кузя меня поддержал. По его мнению, это была нечестная игра. Глагол внимательно выслушал нас, обещал показать всех своих подданных и познакомить с ними. Он взмахнул линейкой — раздалась музыка, и на середину зала выбежали человечки с кружочками на одежде. Они стали плясать и петь:

Мы ребята точные,
Мы зовёмся Точками.
Чтобы правильно писать,
Где нас ставить, надо знать.
Наше место надо знать!

Кузя спросил, знаю ли я, где их надо ставить. Я ответил, что иногда ставлю их правильно.

Глагол снова взмахнул линейкой, и Точек сменили человечки, на платяцах которых были вышиты две запятые. Они взялись за ручки и спели:

Мы весёлые сестрички,
Неразлучные Кавычки.
Если я открою фразу, —

спела одна,

Я её закрою сразу, —

подхватила другая.

Кавычки! Знаю я их! Знаю и не люблю. Поставишь их — говорят, не надо; не поставишь — говорят, вот здесь-то и надо было поставить кавычки. Никогда не угадаешь...

После Кавычек вышли Крючок и Палка. Ну и смешная же это была парочка!

Крючок запел толстым голосом:

Меня и брата знает всякий,
Мы выразительные знаки,
Я самый значительный —
В о п р о с и т е л ь н ы й!

А Палка спел совсем коротко:

Я самый замечательный —
В о с к л и ц а т е л ь н ы й!

Вопросительный и восклицательный! Старые знакомые! Они были немножко лучше остальных знаков. Их реже надо было ставить, поэтому за них реже и попадало. Они всё же были приятней, чем эта старая горбунья Запятая. Но она уже стояла передо мной и пела своим скрипучим голосом:

Хоть я лишь точка с хвостиком,
Невелика я ростиком,
Но я в грамматике важна
И всем для чтения нужна.
Все люди, без сомнения,
О том, конечно, знают,
Что важное значение
Имеет запятая.

У Кузи даже шерсть встала дыбом от такого нахального пения. Он попросил разрешения оторвать у Запятой хвостик и превратить её в Точку. Разумеется, я не разрешил ему хулиганить. Может быть, мне самому хотелось кое-что сказать старухе, но надо же себя как-то сдерживать. Нагрубишь, а потом тебя отсюда и не выпустят. А уйти от них давно уже хотелось. С тех самых пор, как я увидел свою тетрадь. Я подошёл к Глаголу и спросил его, нельзя ли мне уйти. Старик не успел и рта открыть, как Запятая заверещала на весь зал:

— Ни за что! Пусть сначала докажет, что знает правописание безударных гласных!

Тут же она стала придумывать всякие примеры.

На моё счастье, в зал вбежала огромная собака. Кузя, конечно, зашипел и вскочил мне на плечо. Но собака и не собиралась на него кидаться. Она весело махала хвостиком и ласкалась. Я нагнулся и погладил её по рыжей спинке.

— Ах, ты любишь собак! Очень хорошо! — ехидно сказала Запятая и хлопнула в ладоши. Тут же передо мной опять повисла в воздухе чёрная доска. На ней было написано мелом: «*C...бака*».

Я быстро сообразил, в чём дело. Взял мел и вписал букву «а». Получилось «*Сабака*».

Запятая расхохоталась. Глагол опять нахмурил седые брови. Восклицательный заахал и заохал. Собака оскалилась и зарычала на меня. Я испугался её злой морды и побежал. Она погналась за мной. Кузя отчаянно шипел, вцепившись когтями в мою куртку. Я догадался, что неправильно вставил букву. Вернулся к доске, стёр «а» и написал «о». Собака тут же перестала рычать, лизнула мне руку и выбежала из зала. Теперь я никогда не забуду, что собака пишется через «о».

— Кот такой же невежда, как и его хозяин, — хихикнула Запятая, но Кузя ей возразил, что собак он знает лучше, чем она. От них, по его мнению, можно всегда ожидать любой подлости.

Пока шёл этот разговор, в высокое окно заглянул солнечный луч. В зале сразу по-светлело.

— Ах! Солнце! Чудесно! Прелестно! — радостно выкрикивал Восклицательный знак.

— Ваше величество, солнце, — шепнула Запятая Глаголу. — Спросите невежду...

— Хорошо, — согласился Глагол и махнул рукой.

На чёрной доске исчезло слово «Собака» и появилось слово «Со...нце».

— Какая буква пропущена? — спросил Вопросительный.

Я прочёл ещё раз: «Со...нце». По-моему, тут ничего не пропущено. Просто ловушка! А я в неё не попадусь! Если все буквы на месте, зачем же вставлять лишние? Что было, когда я об этом сказал! Запятая хохотала, как сумасшедшая. Восклицательный плакал и ломал ручки. Глагол хмурился всё больше и больше. Луч

солнца скрылся. В зале стало темно и очень холодно.

— Ах! Увы! Ох! Солнце! Умираю! — вопил Восклицательный.

— Где солнце? Где тепло? Где свет? — беспрерывно, как заведённый, спрашивал Вопросительный.

— Мальчишка рассердил солнце! — гневно гремел Глагол.

— Я замерзаю, — плакал Кузя и жался ко мне.

— Отвечай, как пишется слово «солнце»! — приказал Глагол.

В самом деле, как пишется слово «солнце»? Зоя Филипповна всегда советовала нам изменять слово так, чтобы все сомнительные и скрытые буквы вылезали наружу. Быть может, попробовать? И я начал выкрикивать: «Солнце! Солнышко! Солнечный!». Ага! Вылезла буква «л». Я схватил мел и быстро вписал её. В эту же минуту солнце снова заглянуло в зал. Стало светло, тепло и очень весело. В первый раз я понял, как сильно люблю солнце.

— Да здравствует солнце через букву Л! — весело запел я.

— Ура! Солнце! Свет! Радость! Жизнь! — кричал Восклицательный.

Я завертелся на одной ножке и тоже стал выкрикивать:

Солнышку весёлому
Школьный наш привет!
Нам без солнца милого
Просто жизни нет.

— Замолчать! — рявкнул Глагол.

Я так и замер на одной ножке. Веселье сразу пропало. Даже стало как-то неприятно и страшновато.

— Прибывший к нам ученик четвёртого класса Виктор Перестукин, — сурово говорил старик, — обнаружил редкое, безобразное невежество. Проявил презрение и нелюбовь к родному языку. За это он будет сурово наказан. Я удаляюсь для вынесения приговора. Заключить Перестукина в квадратные скобки!

Глагол ушёл, Запятая побежала за ним и всё время приговаривала на ходу:

— Никакой пощады! Только никакой пощады, ваше величество!

Человечки внесли большие железные

скобки и поставили их слева и справа от меня.

— Всё это очень плохо, хозяин, — серьёзно сказал Кузя и стал махать хвостом. Он всегда так делал, когда бывал чем-нибудь недоволен. — Нельзя ли улизнуть отсюда?

— Это было бы очень здорово, — ответил я, — но ты же видишь, что я арестован, заключён в скобки и нас сторожат. Кроме того, и мяч лежит неподвижно.

— Бедный! Несчастный! — застонал Восклицательный. — Ох! Ой! Увы! Увы! Увы!

— Тебе страшно, мальчик? — спросил Вопросительный.

Вот чудачки! Почему мне должно быть страшно?

— Не надо злить сильных, — сказал Кузя. — Одна моя знакомая кошка по имени Киса имела привычку злить цепного пса. Каких только гадостей она ему не говорила! И вот однажды пёс сорвался с цепи и навсегда отучил её от этой привычки.

Добрые знаки волновались всё больше и больше. Восклицательный твердил, что я не понимаю опасности, которая надо мной нависла.

Вопросительный задал мне кучу вопросов и под конец поинтересовался, нет ли у меня какой-нибудь просьбы.

Чего бы это попросить? Мы с Кузей посоветовались и решили, что сейчас самое время позавтракать. Знаки объяснили мне: я получу всё, что пожелаю, если правильно напишу своё желание. Конечно, тут же выскочила доска и повисла передо мной. Чтобы не ошибиться, мы с Кузей обсудили этот вопрос ещё раз. Кот не мог придумать ничего более вкусного, чем любительская колбаса. Я больше люблю полтавскую. Но в словах «любительская» и «полтавская» можно наделать пропасть ошибок. Поэтому я решил написать просто «колбаса». Но есть колбасу без хлеба не очень-то вкусно. И поэтому для начала я написал на доске: «Хлеп». Но никакого хлеба мы с Кузей не увидели.

— Где же ваш хлеб?

— Написано неправильно! — хором ответили знаки.

— Не знать, как пишется такое важное слово! — проворчал кот.

Делать нечего. Придётся есть колбасу без хлеба. Я взял мел и крупно вывел: «*Колбаса*».

— Неправильно! — закричали знаки.

Я стёр и написал: «*Колбаса*».

— Неправильно! — завопили знаки.

Я опять стёр и написал: «*Колбаса*».

— Неправильно! — заорали знаки. Я разозлился и швырнул мел. Они просто издевались надо мной.

— Поели и хлеба, и колбасы, — вздохнул Кузя. — Непонятно, зачем мальчишки ходят в школу. Неужели тебя там не научили правильно писать хоть одно съедобное слово?

Одно съедобное слово я, пожалуй, мог бы написать правильно. Я стёр «колбосу» и написал «*лук*». Тотчас же появились Точки и внесли на блюде очищенный лук. Кот обиделся и зафыркал. Он не ел лука. Я его тоже не любил. А есть хотелось ужасно. Мы начали жевать лук. Из глаз потекли слёзы.

Вдруг раздался гонг.

— Не плачь! — крикнул Восклицательный. — Ещё есть надежда!

— Как ты относишься к запятой, мальчик? — спросил Вопросительный.

— По мне, она вовсе не нужна, — ответил я откровенно. — Читать можно и без неё. Ведь когда читаешь, то не обращаешь на запятые никакого внимания. А вот когда пишешь и забудешь её поставить, тебе непременно попадёт.

Восклицательный знак ещё больше расстроился и стал охать на все лады.

— А ты не знаешь, что запятая может решить судьбу человека? — спросил Вопросительный.

— Хватит рассказывать сказки, я не маленький.

— Мы с хозяином уже давно не котята, — поддержал меня Кузя.

В зал вошли Запятая и несколько Точек, которые несли большой свёрнутый лист бумаги.

— Это приговор, — объявила Запятая. Точки развернули лист. Я прочёл:

ПРИГОВОР

ПО ДЕЛУ НЕВЕЖДЫ ВИКТОРА ПЕРЕСТУКИНА:

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ.

— Казнить нельзя! Помиловать! Ура! Ура! Помиловать! — радовался Восклицательный. — Казнить нельзя! Ура! Прекрасно! Великолепно! Ура! Чудесно!

— Вы думаете, казнить нельзя? — серьёзно спросил Вопросительный. Видно, он сильно сомневался.

О чём они говорят? Кого казнить? Меня? Да какое они имеют право? Нет-нет, это какая-то ошибка!

Но Запятая ехидно посмотрела на меня и сказала:

— Знаки неверно понимают приговор. Казнить тебя надо, помиловать нельзя. Вот так надо и понимать.

— За что казнить? — закричал я. — За что?

— За невежество, лень и незнание родного языка.

— Но ведь тут ясно написано, казнить нельзя.

— Это нечестно! Мы будем жаловаться! — вопил Кузя, хватая Запятую за хвостик.

— Ах! Ох! Ужасно! Не переживу! — сто-
нал Восклицательный.

Мне стало страшно. Хорошо же распра-

вились со мной мои учебники! Вот как начались обещанные опасности. Просто не дали человеку оглядеться как следует и, пожалуйста, сразу вынесли смертный приговор. Тут уж хочешь или не хочешь, а справляйся сам. Пожаловаться некому. Здесь никто не защитит. Ни родители, ни учителя. Милиции и суда здесь тоже, конечно, нет.

Восклицательный ломал ручки и всё время выкрикивал какие-то междометия. Из его глазок катились мелкие слёзки.

Вопросительный приставал к Запятой.

— Неужели вы ничем не можете помочь несчастному мальчику?

Они всё-таки были славные ребята, эти знаки!

Запятая немного поломалась, но потом ответила, что я сам мог бы себе помочь, если бы знал, где надо поставить запятую в приговоре.

— Пусть он наконец поймёт, какое значение имеет запятая, — важно сказала горбунья. — Запятая может даже спасти человеку жизнь. Вот пусть Перестукин и постарается спасти себя, если он этого хочет.

Конечно, я этого хотел!

Запятая хлопнула в ладошки, и на стене появились огромные часы. Стрелки показывали без пяти минут двенадцать.

— Пять минут на размышление, — скрипела старуха. — Ровно в двенадцать запятая должна стоять на месте. В двенадцать часов и одну минуту уже будет поздно.

Она сунула мне в руку большой карандаш и сказала:

— Раз!

Часы тут же принялись отсчитывать время. «Тик-тик, тик-тик, тик-тик». Вот протикают несколько раз, и минута долой. А их всего пять.

— Вопросы будут? — дрожащим голосом спросил Вопросительный.

— Будут, — обрадовался я. — Куда мне поставить запятую?

— Увы! Решай сам! — заплакал Восклицательный.

Кузя подбежал к нему и стал ласкаться.

— Подскажи, подскажи моему хозяину, где надо поставить эту проклятую запятую, — умолял Кузя. — Подскажи, просят же тебя как человека.

— Подсказать? — завизжала Запятая. — Ни в коем случае! У нас подсказка строго запрещена!

А часы тикали. Я взглянул на них и обомлел: они уже успели отстучать три минуты.

— Зови Географию! — завопил Кузя. — Разве ты не боишься смерти?

Я боялся смерти. Но... а как же быть с закаливанием воли? Я же должен презирать опасность, а не бояться её. А если я сейчас струшу, где я потом опять достану себе опасность? Нет, это мне никак не подходит. Звать никого нельзя. Что я в самом деле скажу Географии? Здравствуйте, уважаемая География! Извините за беспокойство, но я, понимаете, немножко сдрейфил... А часы тикали.

— Торопись, мальчик! — закричал Восклицательный. — Ох! Ах! Увы!

— Знаешь ли ты, что осталось всего две минуты? — тревожно спросил Вопросительный.

Кузя заурчал и вцепился когтями в подол Запятой.

— Ты желаешь мальчику смерти, — злобно шипел кот.

— Он её заслужил, — ответила старуха, отдирая кота.

— Что же мне делать? — нечаянно вслух спросил я.

— Рассуждать! Рассуждать! Ах! Увы! Рассуждать! — выкрикивал Восклицательный. Слёзки лились из его печальных глазок.

Хорошенькое дело — рассуждать, когда... Но всё же я решил попробовать.

— Казнить нельзя помиловать... если я поставлю запятую после слова «казнить», то будет так: «Казнить, нельзя помиловать». Значит, получится — нельзя помиловать? Нельзя!

— Увы! Ох! Несчастье! Нельзя помиловать! — зарыдал Восклицательный. — Казнить! Увы! Ох! Ах!

— Казнить? — спросил Кузя. — Нам это не подходит.

— Мальчик, разве ты не видишь, что осталась всего одна минута? — сквозь слёзы спрашивал Вопросительный.

Одна последняя минута... А что будет потом? Я зажмурил глаза и стал быстро-быстро рассуждать.

— А если поставить запятую после слов «казнить нельзя»? Тогда получится: «Казнить нельзя, помиловать». Вот это нам и надо! Решено. Ставлю.

Я подошёл к столу и нарисовал большую запятую в приговоре после слова «нельзя». В ту же самую минуту часы пробили двенадцать раз.

— Ура! Победа! Ах! Хорошо! Чудесно! — радостно прыгал Восклицательный, а вместе с ним и Кузя.

Запятая сразу подобрела и заговорила приятным голосом:

— Помни, что, когда ты даёшь своей голове работу, всегда добиваешься цели. Не сердись на меня. Лучше подружись со мной. Когда ты научишься ставить меня на моё место, я не причиню тебе никаких неприятностей.

Я твёрдо обещал ей, что научусь.

Наш мяч зашевелился, и мы с Кузей заторопились.

— До свидания, Витя! — кричали вслед знаки препинания. — Мы ещё с тобой встретимся на страницах книг, на листах твоих тетрадей!

— Не путай меня с братом! — кричал Восклицательный. — Я восклицаю!

— Ты не забудешь, что я всегда спрашиваю? — спрашивал Вопросительный.

Мяч выкатился за ворота. Мы побежали за ним. Я оглянулся и увидел, что все машут мне руками. Даже важный Глагол выглянул из окна замка. Я помахал им всем сразу обеими руками и бросился догонять Кузю.

Долго ещё слышались выкрики Восклицательного. Потом всё смолкло, и замок скрылся за холмом.

Мы с Кузей шли за мячом и обсуждали всё, что с нами произошло. Я был очень рад, что не вызвал Географию, а спас себя сам.

— Да, это удачно, — согласился Кузя. — Мне припоминается похожая история. Один мой знакомый кот по имени Трошка служил в мясном отделе магазина самообслуживания. Он никогда не ждал, пока продавец расщедритя и бросит ему доверсок. Трошка самообслуживался: он сам угощал себя лучшим куском мяса. Этот кот всегда говорил: «Никто так о тебе не позаботится, как ты сам».

Что за противная привычка была у Кузи десять раз на дню рассказывать всякие некрасивые истории про каких-то драных кошек и котов. Чтобы облагородить Кузю, я стал рассказывать ему о дружбе между людьми и животными. Вот, например, он сам, Кузя, вёл себя, как верный друг, когда я попал в беду. Теперь уж я могу на него положиться. Кот замурлыкал на ходу. Видно, ему нравится, когда его хвалят. Но тут же он вспомнил про какую-то рыжую кошку по имени Фроська, которая говорила: «Ради дружбы отдам последнюю мышь». Мне стало ясно, что облагородить его не удастся. Кузя — животное неподдающееся. Даже сама Зоя Филипповна ничего не смогла бы с ним поделаться. Одну полезную историю я слышал от папы. И я спросил Кузю:

— Кошки и собаки стали друзьями человека. А как человек выбрал их среди других диких животных?

Что же мне ответил мой нахальный кот? Собаку, по его мнению, человек выбрал сам — и совершил ужасную ошибку. Ну а кошку... с кошкой всё обстояло совсем не

так: не человек выбрал кошку, а, наоборот, кошка выбрала человека.

Меня так рассердили Кузины рассуждения, что я надолго замолчал. Продолжай я с ним разговаривать, так он, чего доброго, дошёл бы до того, что объявил царём природы не человека, а кошку. Нет, Кузиным воспитанием надо было заняться серьёзно. Почему я раньше не задумывался об этом? Почему я раньше вообще ни о чём не задумывался? Запятая сказала, что если я дам своей голове работу, то всегда выйдет толк. И правда. Я подумал тогда у ворот, вспомнил правило, которое почти забыл, и оно мне здорово пригодилось. Помогло мне это и тогда, когда я с карандашом в руках решал, куда ставить запятую. Я бы, наверно, никогда не отставал от класса, если бы думал о том, что делаю. Конечно, для этого надо слушать на уроке, что говорит учительница, а не играть в крестики-нолики. Что я, глупее Женьчика, что ли? Если я закалю волю и возьму себя в руки, ещё неизвестно, у кого будут лучшие отметки к концу года.

А интересно было бы посмотреть, как

справилась бы на моём месте Катя? Хорошо, что она не видела меня в замке у Глагола. Вот разговоров было бы... Нет, всё же я доволен, что побывал в этой стране. Во-первых, я теперь всегда буду правильно писать слова «собака» и «солнце». Во-вторых, я понял, что правила грамматики учить всё же надо. Они могут пригодиться при случае. В-третьих, оказалось, что знаки препинания в самом деле нужны. Вот если бы мне дали прочесть целую страницу без знаков препинания. Смог бы я её прочесть и понять, что там написано? Я бы читал, читал, не переводя дыхания, пока не задохнулся. Что тут хорошего? Кроме того, я мало что понял бы от такого чтения.

Так я думал про себя. Кузе всё это рассказывать было ни к чему. Я так раздумался, что не сразу заметил, что кот начал жаловаться на жару. В самом деле, стало очень жарко. Чтобы подбодрить Кузю, я затянул песенку, и Кузя подхватил:

Мы весело шагаем,
Мы песенку поём.
Опасность презираем!
На трудности плюём!

Дальше мы пить не смогли. Во рту пересохло. Очень хотелось пить. Трава под ногами пожелтела. Листья свернулись в трубочку. Земля стала твёрдая, словно асфальт, а местами даже потрескалась.

Ах, как хотелось пить, но нигде не было ни одного ручейка. Кузя изнывал от жажды. Я сам много бы дал за стакан газированной с сиропом. Даже без сиропа... Но об этом можно было только мечтать...

Мы шли мимо русла высохшей речки. На его дне, как на сковородке, валялись сухие рыбки.

— Куда девалась вода? — жалобно спрашивал Кузя. — Неужели тут нет ни графитов, ни чайников, ни вёдер, ни кранов? Нет всех этих полезных и хороших вещей, из которых добывается вода?

Я молчал. Мой язык как будто высох и не ворочался.

А наш мяч всё катился. Он остановился только на полянке, выжженной солнцем. Посредине её торчало голое скрюченное дерево. А вокруг поляны скрипел сухими чёрными ветками голый лес.

Я сел на холмик, засыпанный пожелтев-

шими листьями. Кузя прыгнул ко мне на колени. Ох, как нам хотелось пить! Я даже не знал, что можно так хотеть воды. Всё время я как будто видел холодную струю. Она так красиво льётся из крана и весело поёт. Вспоминался мне и наш хрустальный кувшин, и даже капельки на его хрустальных бочках.

Я закрыл глаза и, как во сне, увидел тётю Любашу: на углу нашей улицы она продавала газированную воду. Тётя Любаша держала стакан холодной воды с вишнёвым сиропом. Ах, этот стаканчик бы! Пусть без сиропа, пусть даже не газированной... Да что там стаканчик! Сейчас я мог бы выпить целое ведро.

Вдруг холмик подо мной зашевелился. Потом стал расти и сильно раскачиваться.

— Держись, Кузя! — закричал я и скатился вниз.

— Здесь горки и те сумасшедшие, — ворчал Кузя.

— Я не горка, я верблюд, — слышали мы чей-то жалобный голос.

Наша «горка» встала на ноги, отряхнула с себя листья, и мы в самом деле увидели

верблюда. Кузя тут же выгнул спинку и спросил:

— А не собираетесь ли вы съесть мальчика и его верного кота?

Верблюд сильно обиделся.

— Неужели вы не знаете, кот, что верблюды едят траву, сено и колючки? — насмешливо спросил он Кузю. — Единственная неприятность, которую я могу вам причинить, — это плюнуть на вас. Но я не собираюсь плевать. Мне не до этого. Даже я, верблюд, умираю от жажды.

— Пожалуйста, не умирайте, — попросил я бедного верблюда. Но он только застонал в ответ.

— Никто дольше верблюда не может переносить жажду. Но наступает время, когда и верблюд протягивает ноги. В лесу уже много зверей погибло. Ещё есть живые, но и они умрут, если их немедленно не спасти.

Из лесу доносились тихие стоны. Мне было так жалко несчастных зверушек, что я немножко забыл о воде.

— А могу я чем-нибудь помочь им? — спросил я верблюда.

— Ты можешь их спасти, — ответил верблюд.

— Тогда побежим в лес, — сказал я.

Верблюд рассмеялся от радости, а Кузя совсем не обрадовался.

— Думай, что говоришь, — недовольно шипел кот. — Как это ты можешь их спасти? Какое тебе дело до них?

— Ты эгоист, Кузя, — сказал я ему спокойно. — Обязательно пойду их спасать. Вот верблюд расскажет мне, что надо сделать, и я их спасу. А ты, Кузя...

Только было собрался сказать Кузе, что я думаю о его выходке, как... рядом со мной что-то сильно затрещало. Скрюченное дерево распрямило сухие ветки и превратилось в сморщенную худую старуху в рваном платье. В её спутанных волосах застряли сухие листья.

Верблюд со стоном шарахнулся в сторону. Старуха стала разглядывать нас с Кузей. Мне было совсем не страшно, даже когда она загудела басом:

Кто здесь кричит,
Нарушая покой?

Скверный мальчишка!

Кто ты такой?

— Не говори, что ты Перестукин, — испуганно зашептал Кузя. — Скажи, что ты Сорокошкин.

— Сам ты Сорокошкин. А моя фамилия Перестукин, и мне нечего её стыдиться.

Как только старуха услышала это, она сразу переменялась, согнулась пополам, ساختроила сладкую улыбку и от этого стала ещё противней. И вдруг... она стала расхваливать меня на все лады! Она хвалила, я удивлялся, а верблюд стонал. Она говорила, что именно я, Виктор Перестукин, помог ей превратить зелёный лес в сухие брёвна. Все борются с засухой, один только я, Виктор Перестукин, оказался её лучшим другом и помощником. Оказывается, что я, Виктор Перестукин, сказал на уроке волшебные слова.

— Так я и знал! — отчаянно завопил Кузя. — Наверное, ты, хозяин, брякнул что-то неподходящее.

— Твой хозяин, — застонал верблюд, — брякнул на уроке, что вода, которая испа-

ряется с поверхности рек, озёр, морей и океанов, исчезает.

— Круговорот воды в природе, — вспомнил я. — Зоя Филипповна! Пятая двойка!

Старуха выпрямилась, подбоченилась и забасила:

Он правильно сказал, что навсегда
Исчезнет ненавистная вода
И всё живое сгинет без следа.

Это чучело почему-то говорило только стихами. От её слов пить хотелось ещё больше. Из лесу снова слышались стоны. Верблюд подошёл ко мне и зашептал на ухо:

— Ты можешь спасти несчастных...
Вспомни круговорот воды, вспомни!

Легко сказать — вспомни. Зоя Филипповна битый час держала меня у доски, и то я ничего не мог вспомнить.

— Ты должен вспомнить! — злился Кузя. — По твоей вине мы страдаем. Ведь это ты сказал на уроке дурацкие слова.

— Какая ерунда! — закричал я сердито. — Что могут сделать слова!

Старуха заскрипела своими сухими сучьями и опять стала говорить стихами:

Вот что сделали слова:
В сено высохла трава.
Больше дождь не будет капать,
Звери вытянули лапы.
Пересохли водопады,
И засохли все цветы.
Это то, что мне и надо, —
Царство мёртвой красоты.

Нет, это было невыносимо! Кажется, я в самом деле что-то натворил. Придётся всё-таки вспомнить круговорот. И я начал бормотать:

— Вода, испаряясь с поверхности рек, озёр, морей...

Старуха испугалась, что я вспомню, и пустилась плясать, да так, что сухие ветки и листья летели во все стороны. Она волчком вертелась передо мной и выкрикивала:

Я ненавижу воду,
Дождей я не терплю,
Засохшую природу
Я до смерти люблю.

Голова у меня кружилась, пить хотелось всё больше и больше, но я не сдавался и вспоминал изо всех сил.

— Вода испаряется, превращается в пар, превращается в пар и...

Старуха подбежала ко мне, замахала руками перед самым моим носом и стала шипеть:

В это самое мгновение
На тебя найдёт забвенье,
Всё, что знал и что учил,
Ты забыл, забыл, забыл...

О чём я спорил со старухой? Почему злился на неё? Ничего не помню.

— Вспоминай, вспоминай! — отчаянно кричал Кузя, прыгая на задних лапках. — Ты говорил, вспоминал...

— О чём говорил?

— О том, что пар превращается...

— Ах да, пар!.. — Я вдруг всё вспомнил. — Пар охлаждается, превращается в воду и падает на землю дождём. Идёт дождь!

Внезапно набежали тучки, и сразу же на землю упали крупные капли. Потом они стали падать всё чаще и чаще — земля потемнела. Зазеленели листья деревьев и трава. По руслу реки весело побежала вода. С вершины скалы с шумом хлынул во-

допад. Из леса слышались радостные голоса зверей и птиц.

Я, Кузя и верблюды, промокшие насковозь, плясали вокруг перепуганной Засухи и кричали ей прямо в её корявые уши:

Дождик, дождик, шибче лей-ка!

Гибни, Засуха-злодейка!

Будет дождик долго лить,

Будут звери много пить.

Старуха вдруг изогнулась, растопырила руки и снова превратилась в сухое скрюченное дерево. Все деревья шумели свежими зелёными листьями, только дерево — Засуха — стояло голое и сухое. Ни одна дождинка на него не падала.

Из лесу выбежали звери. Они вволю напились воды. Зайцы прыгали и кувыркались. Лисы махали рыжими хвостами. Белки скакали по веткам. Ежи катались, как мячики. А птицы стрекотали так оглушительно, что я не мог понять ни слова из всей их болтовни. Моего кота охватил телячий восторг. Можно было подумать, что он нализался валерьянки.

— Пейте! Лакайте! — кричал Кузя. —

За разговором мы не заметили,
как подошли к чудному городу.

*Медведь и Корова стали трясти железное дерево,
пытаясь скинуть нас с него.*

Это мой хозяин сделал дождь! Это я помог хозяину достать столько воды! Пейте! Лакайте! Пейте сколько влезет! Мы с хозяином угощаем всех!

Не знаю, сколько времени мы бы вот так веселились, если бы из лесу не раздался страшный рык. Птицы исчезли. Звери мгновенно разбежались, словно их тут и не было. Только верблюд остался, но и он задрожал от страха.

— Спасайтесь! — закричал верблюд. — Это белый медведь. Он заблудился. Бродит тут и ругает Виктора Перестукина. Спасайтесь!

Мы с Кузей быстро зарылись в кучу листьев. Бедняга верблюд не успел удрать.

На полянку вывалился огромный белый медведь. Он стонал и обмахивался веткой. Он жаловался на жару, рычал и ругался. Наконец он заметил верблюда. Мы не дыша лежали под мокрыми листьями, всё видели и всё слышали.

— Это что такое? — ревел медведь, указывая лапой на верблюда.

— Это, простите, я, верблюд. Травоядное животное.

— Я так и думал, — с отвращением сказал медведь. — Горбатая корова. Зачем ты родился таким уродом?

— Простите. Больше не буду.

— Прощу, если ты скажешь, где находится север.

— С большой радостью скажу, если вы мне объясните, что такое север. Круглое это или длинное? Красное или зелёное? Чем пахнет и какое на вкус?

Медведь, вместо того чтобы поблагодарить вежливого верблюда, с рёвом на него набросился. Тот припустил изо всех своих длинных ног в лес. В минуту оба исчезли из глаз.

Мы вылезли из кучи листьев. Мяч медленно тронулся, и мы побрели за ним. Мне очень жаль было, что из-за этого грубияна медведя мы потеряли такого хорошего парня, как верблюд. Но Кузя о верблюде не жалел. Он всё ещё продолжал хвастаться тем, что мы с ним «сделали воду». Я не слушал его болтовни. Я опять думал. Так вот что значит круговорот воды в природе! Оказывается, вода на самом деле не исчезает. Она просто превращается в пар, а по-

том охлаждается и опять падает на землю в виде дождя. А если бы она совсем исчезла, то понемножку бы солнце всё высушило, и мы, люди, и животные, и растения высохли бы. Как те рыбки, которых я видел на дне высохшей речки. Вот так так! Выходит, что Зоя Филипповна поставила мне двойку за дело. Самое смешное, что и на уроке она говорила мне то же самое, и не раз. Почему же я не понял и не запомнил? Потому, наверно, что слушал и не слышал, смотрел и не видел...

Солнца не было видно, а всё же становилось жарко. Снова захотелось пить. Но хотя лес по сторонам нашей дорожки и зеленел, речки мы нигде не видели.

Мы шли. Всё шли да шли. Кузя успел рассказать мне с десяток историй про собак, котов и мышей. Оказывается, он близко знаком с Люськиной кошкой по имени Топси. Мне всегда казалось, что Топси какая-то вялая и неигривая. К тому же она очень уж плаксиво и противно мяукала. Не замолчит, пока ей чего-нибудь не сунешь. А я не люблю попрошаек. Кузя мне рассказал, что Топси к тому же ещё и воров-

ка. Кузя клялся, что это она на прошлой неделе стащила у нас большой кусок свинины. Моя мама подумала на него и отхлестала его мокрым кухонным полотенцем. Кузе это было не так больно, как обидно. А Топси так обожралась краденой свининой, что даже заболела, Люсина бабушка носила её к ветеринару. Вот я вернусь, открою Люське глаза на её милую кошечку. Я эту самую Топси обязательно разоблачу.

За разговором мы не заметили, как подошли к какому-то чудному городу. Дома в нём были круглые, как цирк шапито, или квадратные, или даже треугольные. Людей на улице видно не было.

Наш мяч закатился на улицу странного города и замер. Мы подошли к большому кубу и остановились перед ним. Два кругленьких человечка в белых халатиках и шапочках продавали газированную воду. На шапочке у одного продавца был нарисован плюс, а у другого — минус.

— Скажите, — робко спросил Кузя, — а вода у вас настоящая?

— Положительно настоящая, — ответил Плюс. — Не желаете ли выпить?

Кузя облизнулся. Нам опять хотелось пить, но вот беда, у меня не было ни копейки, а у Кузи и подавно.

— У меня нет денег, — признался я продавцам.

— А у нас вода продается не за деньги, а за правильные ответы.

Минус хитро прищурился и спросил:

— Семью девять?

— Семью девять... семью девять, — забормотал я, — кажется, тридцать семь.

— Мне так не кажется, — сказал Минус. — Ответ отрицательный.

— Дайте мне бесплатно, — попросил Кузя. — Я кот. И не обязан знать таблицу умножения.

Оба продавца вынули какие-то бумаги, читали их, листали, просматривали и потом хором объявили Кузе, что у них нет распоряжения поить неграмотных котов бесплатно. Пришлось Кузе только облизнуться.

К киоску подкатил велосипедист.

— Скорее воды! — закричал он, не слезая с велосипеда. — Я очень тороплюсь.

— Семью семь? — спросил Минус и протянул ему стакан с искристой розовой водой.

— Сорок девять, — ответил гонщик, на ходу выпил воду и умчался.

Я спросил продавцов, кто он такой. Плюс рассказал, что это знаменитый гонщик, который занимается тем, что проверяет домашние работы по арифметике.

Ужасно хотелось пить. Особенно когда перед глазами стояли сосуды с прохладной розовой водой. Я не выдержал и попросил задать вопрос.

— Восемью девять? — спросил Минус и налил воды в стакан. Она так и шипела, так и покрывалась пузырьками!

— Семьдесят шесть, — выпалил я, надеясь, что попаду.

— Мимо, — сказал Минус и выплеснул воду. Было страшно неприятно смотреть, как чудесная вода впитывалась в землю.

Кузя стал тереться о ноги продавцов и униженно просить, чтобы они задали его хозяину лёгкий, самый лёгонький вопрос, на который смог бы ответить любой лодырь и двоечник. Я прикрикнул на Кузю. Он замолчал, а продавцы насмешливо переглянулись.

— Дважды два? — улыбаясь, спросил Плюс.

— Четыре, — ответил я сердито. Мне было почему-то очень стыдно. Я выпил полстакана, а остальное отдал Кузе.

Ах, как хороша была вода! Даже тётя Любаша никогда такую не продавала. Но воды было так мало, что я даже не разобрал, с каким она сиропом.

Гонщик снова показался на дороге. Он быстро крутил педали и пел:

Распевая, едет, едет,
Едет гонщик молодой.
На своём велосипеде
Он объехал шар земной.
Он летит быстрее ветра,
Не устанет никогда,
Сотни тысяч километров
Отмахает без труда.

Велосипедист проехал мимо и кивнул головой. Мне показалось, что он зря храбрится и уверяет в своей неутомимости. Я только хотел сказать об этом Кузе, как заметил, что кот сильно чем-то испуган. Шерсть у него стала дыбом, хвост распушился, спина изогнулась. Неужели здесь есть собаки?

— Спрячь, спрячь меня скорее! — взмолился Кузя. — Я боюсь... я вижу...

Я осмотрелся, но ничего на дороге не заметил. Но Кузя дрожал и твердил, что видит... ноги.

— Чьи ноги? — удивился я.

— В том-то и дело, что ничьи, — ответил кот. — Очень я боюсь, когда ноги ходят сами, без хозяина.

И правда, на дорогу вышли... ноги. Это были большие мужские ноги в старых башмаках и грязных рабочих брюках с оттопыренными карманами. На поясе брюки стягивал ремень, а выше ничего не было.

Ноги подошли ко мне и остановились. Мне стало как-то не по себе.

— А где же остальное? — решился спросить я. — То, что выше пояса?

Ноги молча потоптались и замерли.

— Простите, вы что, живые Ноги? — спросил я.

Ноги качнулись вперёд и назад. Наверно, они хотели сказать «да». Кузя урчал и фырчал. Ноги пугали его.

— Это опасные Ноги, — шипел он потихоньку. — Они убежали от своего хозяина.

Порядочные Ноги так никогда не делают. Это нехорошие Ноги. Это беспризор...

Кот не успел договорить. Правая нога дала ему здоровенного пинка. Кузя с визгом отлетел в сторону.

— Вот видишь, видишь! — вопил он, отряхиваясь от пыли. — Это злые Ноги, отойди от них подальше!

Кузя хотел обойти Ноги сзади, но они изловчились и лягнули его. От обиды и боли кот кричал до хрипоты. Чтобы он успокоился, я взял его на руки и стал чесать ему подбородок и лобик. Он очень это любит.

Из треугольного дома вышел мужчина в спецовке. На нём были точно такие же брюки и башмаки, как и у Ног. Мужчина подошёл поближе к Ногам и сказал:

— Не ходи ты далеко от меня, товарищ, заблудишься.

Мне захотелось узнать, кто отхватил этому товарищу половину туловища.

— Не трамвай ли его переехал? — спросил я.

— Он был таким же землекопом, как и я, — грустно ответил мужчина. — И не

трамвай его переехал, а ученик четвёртого класса Виктор Перестукин.

Уж это было слишком! Кузя зашептал мне:
— А не лучше ли нам убраться отсюда подобра-поздорову?

Я посмотрел на мяч. Он лежал спокойно.
— Взрослым стыдно говорить неправду, — упрекнул я землекопа. — Как мог Витя Перестукин переехать человека? Это же сказки.

Землекоп только вздохнул:

— Ничего ты, мальчик, не знаешь. Этот Виктор Перестукин решал задачу, и у него получилось, что траншеей выкопали полтора землекопа. Вот и осталась от моего товарища только половина...

Тут я вспомнил задачу про погонные метры. Землекоп тяжело вздохнул и спросил, доброе ли у меня сердце? Откуда мне было это знать? Никто про это со мной не говорил. Правда, мама иногда утверждала, что у меня совсем нет сердца, но я в это не верил. Всё-таки что-то стучит у меня внутри.

— Не знаю, — ответил я честно.

— Если бы у тебя было доброе сердце, —

печально говорил землекоп, — ты пожалел бы моего бедного друга и постарался бы ему помочь. Надо только правильно решить задачу, и он снова станет тем, кем был раньше.

— Попробую, — сказал я, — попробую... А вдруг не сумею?

Землекоп порылся в кармане и вытащил смятый листок. На нём моим почерком было написано решение задачи. Я задумался. А вдруг опять ничего не выйдет? А если получится, что траншею выкопал один с четвертью землекопа? Тогда от его товарища останется всего одна нога? Мне даже стало жарко от таких мыслей.

Потом я вспомнил совет Запятой. Это меня немножко успокоило. Буду думать только о задаче, буду решать медленно. Буду рассуждать, как учил меня Восклицательный.

Я посмотрел на Плюса и Минуса. Они насмешливо подмигнули друг другу одинаковыми круглыми глазками. Не дали небось, жадюги, напиться!.. Я показал им язык. Они не удивились и не обиделись. Наверно, не поняли.

— Ваше мнение о мальчике, братец Минус? — спросил Плюс.

— Отрицательное, — ответил Минус. — А ваше, братец Плюс?

— Положительное, — кисло сказал Плюс.

По-моему, он врал. Но после их разговора я твёрдо решил справиться с задачей. Я начал решать. Думать только о задаче. Рассуждал, рассуждал, рассуждал до тех пор, пока задача не решилась. Ну и здорово же я обрадовался! Оказалось, что для рытья траншеи потребовалось не полтора, а целых два землекопа.

— Получилось два землекопа! — объявил я решение задачи. И тут же Ноги превратились в землекопа. Он был точно такой же, как и первый. Оба они поклонились мне и сказали:

В работе, жизни и труде
Желаем мы тебе удачи.
Учись всегда, учись везде
И правильно решай задачи.

Плюс и Минус сорвали с голов шапочки, подбрасывали их в воздух и весело выкрикивали:

— Пятью пять — двадцать пять! Шестью шесть — тридцать шесть!

— Спаситель ты мой! — кричал второй землекоп.

— Великий математик! — восторгался его товарищ. — Встретишь Виктора Перестукина — передай, что он лодырь, глупый и злой мальчишка.

— Уж кто-кто, а он обязательно передаст, — съехидничал Кузя.

Мне пришлось обещать, что передам. А то землекопы ни за что не убрались бы.

Конечно, нехорошо, что меня под конец обругали, но всё же мне было очень приятно, что я сам решил эту трудную задачу. Ведь её не могла решить даже Люськина бабушка, хотя она самая способная к арифметике из всех бабушек нашего класса. Может быть, у меня уже начал вырабатываться характер? Вот это было бы здорово!

Снова проехал велосипедист. Он уже не пел и не пил. Видно было, что он едва держался в седле.

Кузя неожиданно выгнул спину и зашипел.

— Что с тобой? Опять ноги? — спросил я.

— Не ноги, а лапы, — ответил кот, — а на лапах зверь. Спрячемся...

Мы с Кузей бросились к маленькому круглому домику с решётчатым окном. Дверь оказалась запертой, и нам пришлось забиться под крыльцо. Там, под крыльцом, я вспомнил, что мне надо презирать опасность, а не прятаться. Я уже было выглянул, но увидел на дороге нашего старого знакомого, белого медведя. Надо бы вылезти, но... очень уж страшно. Белых медведей даже укротители и то боятся.

Наш белый медведь казался ещё более злым, чем при первой встрече. Он вздыхал, рычал, ругал меня, умирал от жажды, искал север.

Мы притаились, пока он не прошёл мимо домика. Кузя стал допытываться, чем бы это я мог так досадить страшному зверю. Чудак Кузя. Если б я сам это знал!

— Белый медведь — злой и беспощадный зверь, — пугал меня Кузя. — Интересно, ест ли он котов?

— Пожалуй, если и ест, то только мор-

ских котов, — сказал я Кузе, чтобы немножко его успокоить. Но точно я и сам не знал.

Вообще, пора бы отсюда убираться. Делать здесь было нечего. Но мяч лежал, и нам приходилось ждать.

Из круглого домика, под крыльцом которого мы прятались, донёсся жалобный стон. Я подошёл поближе.

— Пожалуйста, не ввязывайся ни в какие истории, — попросил меня Кузя.

Я постучал в дверь. Раздался ещё более жалобный стон. Заглянул в окно и ничего не увидел. Тогда я стал колотить кулаком в дверь и громко кричать:

— Эй, кто там?

— Это я, — слышалось в ответ. — Невинно осуждённый.

— А кто ты такой?

— Я несчастный портной, меня обвинили в краже.

Кузя прыгал вокруг меня и требовал, чтобы я не связывался с вором. А мне было интересно узнать, что же украл портной. Я стал его расспрашивать, но портной не хотел признаваться и уверял, что он самый

честный человек на свете. Он утверждал, что его оклеветали.

— Кто же вас оклеветал? — спросил я портного.

— Виктор Перестукин, — нахально ответил заключённый.

Да что это на самом деле? То половина землекопа, то вор портной...

— Это неправда, неправда! — закричал я в окошко.

— Нет, правда, правда, — канючил портной. — Вот послушай. Как заведующий швейной мастерской, я получил двадцать восемь метров ткани. Надо было узнать, сколько костюмов можно из неё сшить. И вот на моё горе этот самый Перестукин решает, что я должен сшить из двадцати восьми метров двадцать семь костюмов да ещё получить один метр в остатке. Ну как же можно сшить двадцать семь костюмов, когда на один только костюм идёт три метра?

Я вспомнил, что именно за эту задачу мне вlepили одну из пяти двоек.

— Ерунда какая-то, — сказал я.

— Бред собачий, — добавил Кузя.

— Да, для вас ерунда, — захныкал портной, — а с меня на основании этого решения потребовали двадцать семь костюмов. Откуда я бы их взял? Тогда меня обвинили в краже и посадили за решётку.

— А нет ли у вас с собой этой задачи? — спросил я.

— Конечно, есть, — обрадовался портной, — мне её вручили вместе с копией приговора.

Через решётку он протянул мне бумагу. Я её развернул и увидел написанное моей рукой решение задачи. Совсем неправильное решение. Я сначала делил единицы, а потом десятки. Потому так глупо и получилось. Тут даже и думать много не пришлось, чтобы исправить решение. Я сказал портному, что он должен был сшить всего девять костюмов.

В этот момент дверь сама распахнулась и из неё выбежал человек. На поясе у него болтались большие ножницы, а на шее висел сантиметр. Человек обнял меня, подпрыгнул на одной ножке и закричал:

— Слава великому математику! Великому маленькому неизвестному математику слава! Позор Виктору Перестукину!

Потом он ещё раз подпрыгнул и убежал. Его ножницы звякали, а сантиметр развёлся по ветру.

На дорогу выехал еле живой велосипедист. Он задыхался, а потом вдруг как свалится с велосипеда! Я бросился поднимать его, но ничего не мог сделать. Он хрипел и закатывал глаза.

— Умираю, умираю на посту, — шептал велосипедист. — Я не могу выполнить это страшное решение. Ах, мальчик, передай школьникам, что гибель весёлого гонщика на совести Виктора Перестукина. Пусть отомстят за меня...

— Неправда! — возмутился я. — Никогда я вас не губил. Я вас даже не знаю!

— А... так ты и есть Перестукин, — сказал гонщик и приподнялся. — Ну на, лодырь, реши задачу правильно, а не то тебе придётся худо.

Он сунул мне в руку листок с задачей. Пока я читал условие задачи, гонщик ворчал:

— Решай, решай! Ты у меня узнаешь, как вычитать метры из людей. Ты у меня погоняешь велосипедистов по сто километров в час.

Конечно, сначала я старался решить задачу. Рассуждал, как только мог, но пока ничего не получалось. По совести говоря, мне очень не понравилось, что гонщик так грубо со мной обращался. Когда меня просят помочь — это одно дело, а вот когда заставляют — другое. И вообще, попробуйте-ка сами думать, когда рядом с вами топают от злости ногами и ругают вас на все корки. Гонщик своей злобной болтовнёй мешал мне думать. Мне даже расхотелось рассуждать. Конечно, надо было взять себя в руки, но я, видно, ещё недостаточно выработал волю для этого. Кончилось тем, что я бросил листок и сказал:

— Задача не выходит.

— Ах, не выходит? — зарычал гонщик. — Тогда сядешь туда, откуда ты выпустил портного! Посидишь там, подумаешь, пока не решишь.

В тюрьму мне не хотелось. Я бросился бежать. Гонщик помчался за мной. Кузя вскочил на крышу тюрьмы и оттуда всячески поносил гонщика. Он его сравнивал со всеми свирепыми псами, каких только встречал в жизни. Конечно, гонщик догнал

бы меня, если бы не кот. Прямо с крыши Кузя бросился ему под ноги. Гонщик упал. Я не стал ждать, пока он поднимется, вскочил на его велосипед и покатил по дороге.

Гонщик и Кузя скрылись из виду. Я ещё проехал немножко и слез с велосипеда. Надо было подождать Кузю и найти мяч. В суматохе я даже забыл посмотреть, где он. Велосипед я бросил в кусты, а сам свернул в лес, сел под дерево отдохнуть. Когда стемнеет, решил я, пойду искать своего кота. Было тепло и тихо. Прислонившись к дереву, я незаметно уснул. Когда открыл глаза, то увидел, что рядом со мной стоит старушка, опираясь на палочку. Она была в синей короткой юбке и белой кофточке. На её седых косичках торчали пышные банты из белых нейлоновых лент. Такие ленты носили все наши девочки.

— А ты, мальчик, из какого класса? — старушечьим голосом спросила она.

— Из четвёртого.

— И я из четвёртого... ох, как болят мои ноги! Я прошла много тысяч километров. Сегодня наконец должна встретиться со своим братом. Он идёт мне навстречу.

— А почему вы идёте так долго?

— О, это длинная и печальная история! — вздохнула старушка и села рядом со мной. — Один мальчик решал задачу. Из двух сёл, расстояние между которыми двенадцать километров, вышли навстречу друг другу брат и сестра...

У меня просто заныло под ложечкой. Я сразу понял, что добра от её рассказа ждать нечего, а старушка продолжала:

— Мальчик решил, что они встретятся через шестьдесят лет. Мы подчинились этому глупому, злому, неправильному решению. И вот всё идём... измучились, постарели...

Наверно, она бы ещё долго жаловалась и рассказывала о своём путешествии, но вдруг из-за кустов вышел старичок. Он был в трусиках, белой блузе.

— Здравствуй, сестра! — прошамкал старичок.

Старушка расцеловала старичка. Они смотрели друг на друга и горько плакали. Мне стало их очень жаль. Я взял у старушки задачу и хотел её перерешить. Но она только вздохнула и покачала головой. Она

сказала, что эту задачу должен решить только Виктор Перестукин. Пришлось сознаться, что Перестукин — это я. Лучше бы я этого не делал!

— Теперь ты пойдёшь с нами, — строго сказал старичок.

— Не могу, мне мама не позволяет, — отбивался я.

— А нам мама позволяла уходить из дому без спроса на шестьдесят лет?

Чтобы старички мне не мешали, я залез на дерево и стал там решать. Задача была пустяковая, не то что про гонщика. Я справился с нею быстро.

— Вы должны были встретиться через два часа! — закричал я сверху.

Старички тотчас же превратились в мальчика и девочку. Они очень обрадовались. Я слез с дерева и веселился вместе с ними. Мы взялись за руки, танцевали и пели:

Мы теперь уж не седые,
Мы ребята молодые,
Мы теперь не старики,
Мы опять ученики.
Мы закончили задачу.
Больше незачем шагать!

Мы свободны. Это значит —
Можно петь и танцевать!

Брат и сестра помахали мне на прощание и убежали.

Я опять остался один и начал думать о Кузе. Где мой бедный кот? Я вспоминал его смешные советы, глупые кошачьи истории, и мне становилось всё грустнее... Совсем один в этой непонятной стране! Надо было скорее отыскать Кузю.

К тому же я потерял мяч. Это меня мучило. А если я никогда не смогу вернуться домой? Что ожидает меня? Ведь каждую минуту здесь может случиться что-нибудь страшное. А не вызвать ли мне Географию?

Я решил идти и считать до тысячи. Если за это время ничего не произойдёт, я буду считать до двух тысяч. Ну а если что-то случится, тогда я позову на помощь... может быть, позову, а может быть, и нет...

Шёл и считал нарочно очень медленно. Лес становился всё гуще. Мне так захотелось увидеть своего кота, что я не удержался и громко крикнул:

— Кузя!

И вдруг откуда-то донеслось глухое мяу-канье! Я очень обрадовался и стал громко звать кота.

— Я здесь, — слышался далёкий неясный голос Кузи.

— Где ты? Я тебя не вижу.

— Сам ничего не вижу, — жаловался Кузя. — Посмотри наверх.

Я поднял голову и стал внимательно осматривать ветки. Они качались и шумели. Кузи нигде не было видно. Вдруг я заметил среди листвы серый мешок. В нём что-то шевелилось. Я тут же влез на дерево, добрался до мешка и развязал его. Охая и фыркая, оттуда вывалился растрёпанный Кузя... Мы очень обрадовались друг другу. Так обрадовались, что чуть не свалились с дерева. Потом, когда мы слезли с него, Кузя рассказал о том, как гонщик поймал его, сунул в мешок и повесил на дерево. Гонщик был очень зол на меня. Он всюду разыскивает свой велосипед. Если гонщик нас поймает, то непременно посадит в тюрьму за нерешённую задачу и угон велосипеда.

Мы стали выбираться из леса. Вышли на небольшую полянку, где росло красивое

высокое дерево. На его ветках висели бул-
ки, сайки, бублики и крендельки.

Хлебное дерево! Когда я говорил на уро-
ке, что на хлебном дереве растут булочки
и бублики, все смеялись надо мной, а что
теперь сказали бы ребята, увидев это де-
рево?

Кузя нашёл другое дерево, на котором
росли вилки, ножи, ложки. Железное де-
рево! И о нём я рассказывал. Тогда тоже
все смеялись.

Кузе хлебное дерево понравилось боль-
ше, чем железное. Он понюхал румяную
булочку. Ему очень хотелось съесть её, но
он не решался.

— Съешь, да и превратишься ещё в соба-
ку, — ворчал Кузя. — В этой странной
стране надо всего остерегаться.

А я сорвал булку и съел. Она была тё-
плая, вкусная, с изюмом. Когда мы оба
подкрепились, Кузя стал искать колбасное
дерево. Но здесь такие деревья не росли.
Пока мы ели булочки и болтали, из лесу
вышла большая рогатая корова и устави-
лась на нас. Наконец-то мы увидели доб-
рое домашнее животное. Не свирепого

медведя, даже не верблюда, а милую деревенскую Бурёнку.

— Здравствуй, дорогая коровушка!

— Здравствуй, — равнодушно сказала корова и подошла поближе. Она внимательно разглядывала нас. Кузя спросил, чем это мы ей так понравились?

Корова вместо ответа подошла ещё ближе и нагнула рога. Мы с Кузей переглянулись.

— Что ты собираешься делать, корова? — спросил Кузя.

— Ничего особенного. Я просто съем тебя.

— Да ты с ума сошла! — удивился Кузя. — Коровы не едят котов. Они едят траву. Это же все знают!

— Не все, — возразила корова. — Виктор Перестукин, например, не знает. Он сказал на уроке, что корова — животное плотоядное. Поэтому я и стала есть других животных. Почти всех здесь уже съела. Сегодня съем кота, а завтра мальчика. Можно, конечно, съесть обоих сразу, но при таком положении приходится быть экономной.

Никогда я не встречал такой противной коровы. Я доказывал ей, что она должна питаться сеном и травой. А есть человека она не смеет. Корова лениво махала хвостом и твердила своё:

— Всё равно я вас обоих съем. Начну с кота.

Мы так горячо спорили с коровой, что не заметили, как возле нас появился белый медведь. Бежать было уже поздно.

— Кто такие? — рявкнул медведь.

— Мы с хозяином путешествуем, — испуганно пискнул Кузя.

Я добавил, что путешествуем не просто так, бесцельно, а для образования. С научной целью.

Медведь слушал, обмахивался веткой и ворчал. Ему было очень жарко в своей белой шубе.

Корова вмешалась в наш разговор. Она заявила, что мы с Кузей её добыча и она не уступит нас медведю. В крайнем случае, так как она не желает вступать в конфликт, медведь может закусить мальчиком, а о коте не может быть и речи. Она твёрдо решила съесть его сама. Видно, она

думала, что кот вкуснее мальчика. Нечего сказать, милое домашнее животное!.. Не успел медведь ответить, как сверху послышался шум. На нас посыпались листья и сломанные ветки. На толстом суку усаживалась огромная и странная птица. У неё были длинные задние лапы, короткие передние, толстый хвост и хорошенькая мордочка без всякого клюва. Два неуклюжих крыла торчали у неё за спиной. Птицы стаяй носились вокруг и тревожно кричали. Наверно, они тоже впервые увидели такую пташечку.

— Что это ещё за уродина? — невежливо спросил медведь, а корова поинтересовалась, можно ли её есть. Кровожадная тварь! Мне хотелось запустить в неё камнем.

— Это птица? — удивлённо спросил Кузя.

— Таких больших птиц не бывает, — ответил я.

— Эй, на дереве! — заревел медведь. — Ты кто такая?

— Я птица-кенгуру, — нежным голосом пропело чудовище.

— Врёшь, — разозлился медведь. — Кенгуру не летают. Ты зверь, а не птица.

Корова тоже подтвердила, что кенгуру не птица. И тут же добавила:

— Взгромоздилась такая туша на дерево и строит из себя соловья. Слезай вниз, самозванка! Я тебя съем.

Кенгуру рассказала, что раньше она в самом деле была зверем, пока один добрый волшебник на уроке не объявил её птицей. После этого у неё выросли крылья, и она стала летать. Летать весело и приятно!

Завистливую корову разозлили слова кенгуру.

— Чего мы её слушаем? — спросила она медведя. — Давай её лучше скушаем.

Тут я схватил здоровенную еловую шишку и угодил корове прямо в нос.

— До чего же ты кровожадная! — упрекал я корову.

— Ничего не поделаешь. Это всё потому, что я плотоядная.

Мне понравилась весёлая кенгуру. Только она одна не ругала меня и ничего не требовала.

— Слушай, кенгуриха! — проревел медведь. — Неужели ты в самом деле стала птицей?

Кенгуру клялась, что рассказала правду. Теперь она даже учится петь. И тут же затянула смешным голосом:

Такое счастье сниться
Нам может лишь во сне:
Внезапно стала птицей,
Летать приятно мне!
Была я кенгуру,
А птицею умру!

— Безобразие! — возмутился медведь. — Всё перевернулось. Коровы едят котов. Звери летают, как птицы. Белые медведи теряют родной север. Где это видано?

Корова недовольно замычала. Такой порядок и ей был не по душе. Только кенгуру была всем довольна. Она сказала, что даже благодарна за такое превращение волшебнику Виктору Перестукину.

— Перестукину? — грозно спросил медведь. — Я ненавижу этого мальчишку. Вообще я не люблю мальчишек!

И медведь бросился на меня. Я быстро взобрался на железное дерево. Кузя метнулся за мной. Кенгуру кричала, что стыдно и неблагородно преследовать беззащит-

ного детёныша-человёныша. Но медведь лапами, а корова рогами стали трясти дерево. Кенгуру не могла видеть такую несправедливость, взмахнула крыльями и улетела.

— Не пытайся улизнуть, кот, — мычала корова снизу. — Я научилась ловить даже мышей, а их труднее поймать, чем кота.

Железное дерево раскачивалось всё сильнее. Мы с Кузей бросали в корову и медведя ножи, вилки, ложки.

— Слезайте! — вопили звери.

Было ясно, что долго нам не продержаться. Кузя умолял меня срочно вызвать Географию. По правде сказать, я и сам уже хотел это сделать. Видали бы вы оскаленную жадную морду коровы!.. Она совсем не походила на ту красивую коровку, которая нарисована на сливочном шоколаде. А медведь был ещё страшнее.

— Вызывай скорее Географию! — вопил Кузя. — Я боюсь их, боюсь!

Кузя судорожно цеплялся за ветки. Неужели и я такой же трус, как кот?

— Нет, мы ещё продержимся! — крикнул я Кузе, но ошибся.

Железное дерево закачалось, заскрежетало, и с него градом посыпались железные плоды, а вместе с ними свалились и мы с Кузей.

— У-у, — зарычал медведь. — Теперь-то я с вами разделаюсь.

Корова потребовала соблюдать правила охоты. Она уступает мальчишку медведю, а кот принадлежит ей.

Последний раз я решил попытаться уговорить корову:

— Послушай, Бурёнушка, ты всё-таки должна питаться травой, а не котами.

— Ничего не могу сделать. Я плотоядная.

— Да совсем ты не плотоядная, — доказывал я в отчаянии, — ты... ты... парнокопытная.

— Ну и что же... Я могу быть парнокопытной и плотоядной.

— Да нет же... ты сеноядное... фруктоядное...

— Хватит молоть чепуху, — прервал меня медведь. — Лучше вспомни, где север.

— Одну минуточку, — попросил я медведя. — Ты, корова, травоядное животное! Травоядное!

*Рыжий развязал свой кушак, стянул мне
руки за спиной и бросил в автомашину.*

— Когда учительница рассказывала
о географических поясах, я читал книжку про шпионов.

Как только я это сказал, корова жалобно замычала и тут же стала жадно щипать траву.

— Наконец-то сочная травка! — радовалась она. — Мне так надоели суслики и мыши. От них у меня портился желудок. Я всё же корова, люблю сено и траву.

Медведь очень удивился. Он спросил корову: а как же теперь будет с котом? Станет корова его есть или нет?

Корова обиделась. Она ещё не сумасшедшая, чтобы есть кошек. Коровы никогда этого не делают. Они едят траву. Это знают даже дети.

Пока корова и медведь спорили, я решил применить одну военную хитрость. Обману медведя: скажу ему, что знаю, где находится север, а после вместе с Кузей улизну по дороге.

Медведь махнул лапой на корову и снова стал требовать, чтобы я показал ему север. Я для вида немного поломался, а потом обещал показать...

И вдруг я увидел наш мяч! Он сам прикатился ко мне, сам нашёл нас! Это было очень кстати!

Мы втроём — я, Кузя и медведь — пошли за мячом. Противная корова даже не попрощалась с нами. Она так соскучилась по траве, что не могла от неё оторваться.

Идти нам было уже не так весело и приятно, как раньше. Рядом со мной пыхтел и ворчал медведь, и надо было ещё придумать способ, как от него избавиться. Это оказалось делом нелёгким, потому что он мне нисколько не верил и не спускал с меня глаз.

Эх, знать бы мне, где находится север! И компас мне папа подарил, и на уроках сто раз объясняли, так нет же, не слушал, не выучил, не понял.

Мы всё шли да шли, а я пока ничего не мог придумать. Кузя потихоньку ворчал, что моя военная хитрость не удалась и надо сбежать от медведя без всякой хитрости.

Наконец медведь объявил, что если я не покажу ему север, то, когда мы дойдём вот до того дерева, он разорвёт меня на части. Я ему наврал, что от того дерева до севера совсем близко. А что мне ещё оставалось делать?

Мы всё шли, шли, но до дерева никак не могли добраться. А когда наконец добрались, я сказал, что говорил не про это дерево, а во-о-он про то! Медведь понял, что его обманывают. Он оскалил зубы и приготовился к прыжку. И в этот самый страшный миг из леса прямо на нас вдруг выскочила автомашина. Испуганный медведь взревел и рванул такую стометровку, какой не видели, наверно, ни на одной олимпиаде. Мгновение — и мишки простыл и след.

Автомашина резко остановилась. В ней сидели два человека, одетые точь-в-точь, как я однажды видел в опере «Борис Годунов», которую передавали по телевизору. У того, что вертел баранку, на плече сидел сокол в шапочке, надвинутой на глаза, а у другого такой же сокол вцепился когтями в длинную кожаную рукавицу. Оба были бородатые, только один чёрный, а другой рыжий. На заднем сиденье лежали две метлы, украшенные... собачьими головами. Все в изумлении смотрели друг на друга и молчали.

Первым очнулся Кузя. С отчаянным визгом он бросился бежать и ракетой взлетел

на верхушку высокой сосны. Бородачи вылезли из автомашины и подошли ко мне.

— Кто таков? — спросил чернобородый.

— Я мальчик, — ответил я.

— Чей ты человек? — допытывался рыжебородый.

— Говорю же вам: я мальчик, а не человек.

Чернобородый внимательно осмотрел меня со всех сторон, потом пощупал мою трикотажную майку, удивлённо покрутил головой и переглянулся с рыжебородым.

— Чудной какой-то, — сказал он со вздохом, — и рубаха вроде... заморская... так чей же ты, паря, будешь?

— Русским языком вам сказал: я мальчик, ученик.

— Пойдёшь с нами, — приказал рыжебородый. — Покажем тебя самому царю. Видать, ты из блаженных, а он блаженных любит.

Нет, эти бородачи — чудаки! Какого-то ещё царя выкопали, о каких-то блаженных твердят. Я знал только одного из блаженных: храм Василия Блаженного. Такая была фамилия строителя храма. Но при чём тут я?

— Вы что, историю не читали? — спросил я бородачей. — Какому там царю вы собираетесь меня показывать? Царей давно нет. Последнего русского царя ещё в семнадцатом году ликвидировали... как класс, — добавил я, чтобы им было понятней, этим неучам.

Бородачам моё выступление явно не понравилось. Они нахмурились и подошли ещё ближе.

— Воровские слова говоришь? — грозно надвигался чернобородый. — Крути ему руки!

Рыжий быстро развязал свой кушак, стянул мне за спиной руки и бросил меня в автомашину. Не успел я и пикнуть, как она взревела и сорвалась с места. Сквозь пыль мелькнула голова Кузи, который бежал следом и что-то отчаянно вопил. Я расслышал только одно слово: «География!».

Всё ясно. Кузя просил меня вызвать Географию, ну а я считал, что дела наши не так уж плохи. Ещё можно повременить.

Бородачи везли меня, наверно, по очень плохой дороге. Машину подбрасывало, трясло и качало. Конечно, это был не асфальт.

Послышался колокольный звон. Я поднял голову и увидел храм Василия Блаженного. Тут же мне дали по уху, и я нырнул на дно кузова. Автомашина подкатила к большому старинному дому. Меня долго вели по крутым узким лестничкам. Затем мне развязали руки и втолкнули в большую комнату со сводчатым потолком. Вдоль стен вместо стульев стояли широкие дубовые лавки. Середину комнаты занимал большой стол, покрытый тяжёлой красной скатертью. На нём, кроме телефона, ничего не было.

За столом сидел толстый и тоже бородатый мужчина. Он громко и со свистом храпел. Но мои бородачи не посмели его будить. Так мы и стояли молча, пока не позвонил телефон. Толстый проснулся и басом рывкнул в трубку:

— Дежурный опричник слушает... Нету царя... Где, где... на объект поехал. Бояр истребляет, а землю раздаёт опричникам... Не опаздывает он, а задерживается... Подумаешь — совещание!.. Подождёте, не велики баре... Всё! Договорились!

И дежурный опричник повесил трубку.

Он потянулся и зевнул так, что вывихнул себе челюсть. Рыжебородый подбежал к нему и быстро вправил челюсть на место. Дежурный тут же заснул, и только новый звонок заставил его открыть глаза.

— Зазвонили, — ворчал он, снимая трубку, — прямо как на телефонной станции. Тут чего ещё? Вам сказано, нет царя.

Он хлопнул трубкой, ещё раз зевнул, но на этот раз осторожно, и уставился на нас.

— Кто таков? — спросил он, указывая на меня толстым пальцем, украшенным огромным перстнем.

Мои бородачи низко поклонились и рассказали, как изловили меня. Слушать их было очень странно. Говорили как будто по-русски, и в то же время многих слов я не понимал. Я, по их мнению, был не то блаженным, не то чудным.

— Чудной? — медленно проговорил дежурный опричник. — Ну, коли чудной... в шуты его. А вы ступайте!

Мои бородачи ещё раз поклонились и ушли, а я остался с глазу на глаз с дежурным опричником. Он важно сопел, разглядывал меня и барабанил по столу толсты-

ми пальцами. В комнату вошёл мальчик в длинном кафтанчике и красных сапожках. Дежурный толстяк живо вскочил и низко ему поклонился. Мальчик ему на приветствие не ответил.

— Не след тебе сюда ходить, царевич, — сказал дежурный опричник, — это государев кабинет... Ненароком...

— А ты меня не гони, — перебил его мальчик и с большим удивлением уставился на меня.

Я ему подмигнул. Он удивился ещё больше. Я хотел было показать ему язык, но раздумал. Вдруг обидится. А мне этого не хотелось. Хоть его и обозвали «царевичем», мне он понравился. Лицо у него было грустное и доброе. Вот он бы мог мне рассказать, что здесь к чему. Но познакомиться поближе нам не пришлось. Вбежала какая-то странная старуха и с криком уволокла мальчика. Он, бедняжка, и пикнуть не успел.

Дежурный опричник снова принялся меня рассматривать. Я решил поздороваться с ним на всякий случай. Вежливость никогда не вредит делу.

— Здравствуй, товарищ дежурный опричник, — сказал я как можно культурней.

Толстяк вдруг побагровел и рывкнул:

— В ноги, щенок!

Я осмотрелся вокруг, но никакого щенка не увидел.

— Где щенок? — спросил я его.

— Ты щенок! — заревел боярин.

— Я не щенок, — твёрдо возразил я. —

Я — мальчик.

— В ноги, говорю! — Он просто задыхался от ярости.

Дались ему эти ноги! И что он этим хотел сказать? Это надо было срочно выяснить.

— Простите, в какие ноги?

— Тронутый! — вздохнул дежурный опричник, вынул огромный платок и вытер пот с лица. — Блаженный...

В кабинет ворвался запыхавшийся молодой опричник.

— Государь вернулся! — выпалил он с порога. — Гневается страсть, и Малюта Скуратов с ним! Дежурного требует!

Толстяк вскочил, испуганно перекрестился и побелел.

Оба они вихрем вылетели из кабинета и затопали по лестничкам. Я остался один. Надо было подумать, разобраться во всей этой истории. Как жаль, что со мной нет

моего Кузи! Совсем, совсем один, и посоветоваться не с кем. Я сел в кресло и глубоко вздохнул.

— Пошто вздыхаешь, отрок? — сказал кто-то нежным тихим голосом.

Я оглянулся. Позади меня стоял мальчик в красных сапожках. Наверно, ему удалось убежать от старухи. Почему он называет меня Отроком? Ведь меня зовут — Виктор.

— А чей ты будешь, отрок? — снова спросил мальчик.

Почему они все спрашивают: чей я? Я ведь не вещь, а живой мальчик.

— Я ничей, — ответил ему я. — Я сам по себе.

— Дерзкий ты, — сказал он обиженным голосом. — А по прозвищу как тебя?

— Зачем тебе прозвище? — спросил я, вспомнив, что в школе меня дразнят очень глупо. Обзывают «Двойкиным». — У нас в школе с прозвищами борются, а фамилия моя — Перестукин.

Мальчик задумался.

— Перестукин?.. Такой я не слыхивал. Видать, ты не боярского роду?

— Боярского? — фыркнул я. — Ну ты и

скажешь! Какого там ещё боярского? С чем это едят?

— Раз не боярского, — печально вздохнул мальчик, — так мне и разговаривать с тобой невместно.

Я, конечно, не знал, что такое «невместно» (скорее всего, это искажённое слово «неуместно»), но, в общем-то, догадался, что он что-то из себя строит, поэтому ответил ему очень насмешливо:

— Скажите, пожалуйста, какая цаца! Сам-то ты кто?

Мальчик вскинул голову и важно ответил:

— Я сын государя Иоанна Четвёртого. Царевич Фёдор.

Царевич Фёдор! О нём я кое-что слышал и от папы, и от Зои Филипповны. Надо было срочно сбить с него спесь.

— Знаю я тебя, — небрежно сказал я, — ты слабоумный.

Царевич растерянно посмотрел на меня, и губы у него задрожали. Лицо сделалось обиженным и жалким, ну точь-в-точь как у Женьчика, когда мы с Люськой Карандашкиной обзывали его «китайским бол-

ванчиком». Я даже пожалел, что так резко выразился. Лучше было бы сказать этому царевичу, что он просто ненормальный.

— Слабоумный, — бормотал царевич, — это как же ты меня эдак?.. Слабоумный...

Видно, это его здорово задело. Пришлось мне выкручиваться, чтобы окончательно не испортить с ним отношения.

— Как тебе это объяснить, — начал я, — слабоумный — это вроде... дурачок, что ли... Да ты не обижайся, Федя. Это я даже на уроке отвечал. Об этом в книге написано. История она называется.

Царевич побледнел и всплеснул руками.

— Царица небесная! — закричал он. — В книге написано!

— Это ещё что! — добавил я, чтобы окончательно его убедить. — А твой отец — Иван Грозный — убивает своего сына в Третьяковской галерее. Я сам видел. Нас Зоя Филипповна всем классом туда водила. Слово даю — убивает. Даже на ковре кровь.

Бедняжка-царевич затрясся, как в лихорадке, и еле слышно забормотал:

— Как же это? Сына убивает?.. Окаянный ты...

— Да ты не дрейфь, — пытался я поддержать его морально. — Не тебя убивает, а старшего сына — царевича Ивана. Жезлом убивает. Ивана жезлом, а царевича Дмитрия зарежут в Угличе.

— Сгинь! Сгинь! — закричал царевич Федя и затопал красными сапожками.

— Не пугайся, не пугайся, — старался я успокоить его. — Тебя не убьют, я это точно знаю. Ты даже царствовать будешь и кричать: «Я царь или не царь?». Сам по телевизору видел.

— Колдун! Колдун! — завопил Федя. — Нянюшки, мамушки! Боюсь!

Он упал на пол и задрогал ногами. Я спрятался за спинку кресла, и правильно сделал, потому что вбежали какие-то старухи и тётки, с криками подхватили царевича и унесли его из кабинета.

Вот и делай после этого людям добро! Знал бы — не рассказывал.

В кабинет вошёл опричник с почтовой сумкой на плече. Он спросил, где дежурный. Я рассказал, что дежурного опричника вызвал к себе царь, который чем-то разгневан. Почтальон тоже испуганно пере-

крестился. Я думал, что он тут же уйдёт, но он нерешительно потоптался на месте и спросил: разумею ли я грамоте? Я ответил, что расписаться сумею. Почтальон подал мне книгу, и я расписался. Тогда он вручил мне свёрнутую трубкой бумагу и объявил, что это послание князя Курбского. Сказав, что послание надо отдать дежурному опричнику, почтальон ушёл. От скуки я развернул трубку и с большим трудом стал разбирать послание князя Курбского. Читать это послание было очень трудно, но я всё же кое-как прочёл о том, что на Русь движутся несметные полчища Наполеона Буонапартия. Вот так раз! Мало всех этих приключений, так ещё надвигается война!

Кто-то настойчиво скрёбся в дверь. Мыши? Нет, они не могли скрестись так громко. Я потянул к себе тяжёлую большую ручку двери, и в комнату вбежал мой дорогой Кузя!

Кот страшно запыхался, шерсть на нём взъерошилась. Он не успел прилизаться. Я никогда не видел его таким неаккуратным.

— Едва добрался до тебя, хозяин, — сказал Кузя усталым голосом. — Чуть меня собаками не затравили. И куда мы с тобой

попали? Какие-то странные люди! Совсем не уважают животных. Встретил рыжую кошечку по имени Машка. Так это просто дикарка какая-то! Спросил её, где тут ветеринарная лечебница — хотел забежать, чтобы мне смазали йодом ранку. Одна проклятая шавка всё же схватила меня за лапу. Так представляешь, эта самая рыжуха, оказывается, и не знает, что такое «ветеринарная лечебница»! Даже кошки говорят здесь не по-нашему. Бежать, хозяин, бежать! И как можно скорее!

Мы с Кузей стали обсуждать план бегства. Плохо было, что наш мяч затерялся и мы, даже если бы нам и удалось сбежать, не знали бы, в каком направлении двигаться. Но надо было спешить. Дежурный опричник мог вернуться каждую минуту, если, конечно, царь не проткнул его наковязью жезлом, как он это проделал со своим сыном. И потом, нам угрожала война... Кузя снова завёл свою старую песню: — Вызови Географию!

Кузя требовал, чтобы я перестал разыгрывать из себя героя. По его словам, мы уже и так преодолели немало трудностей, а уж опасностям подверглись больше, чем

надо для выработки воли и характера. Может быть, он и был прав, но мне не хотелось заканчивать своё путешествие так. Это всё равно, что лечь самому на обе лопатки.

Во время нашего спора неожиданно загремели выстрелы. Началась настоящая пальба. Что случилось? Поднялся какой-то переполох, шум, раздались крики, окно осветило зарево пожара.

— Ну, всё! — в отчаянии крикнул я. — Французы наступают! Дёрнуло же меня за язык сказать такое на уроке!

— Я так и знал, что это твои фокусы! — свирепо закричал Кузя и даже зафыркал на меня, чего прежде никогда не было. — Даже я понимаю, что стыдно не знать истории своей родины! Стыдно путать время и события! Двоечник ты несчастный!

Шум и выстрелы не прекращались. Без конца трещал телефон. В кабинет вбежали испуганные бояре и опричники. Все они что-то кричали и трясли длинными бородами. Я похолодел от страха. Началась война! И только я был в этом виноват. Этого нельзя было скрывать. Я вскочил на стол и закричал во весь голос:

— Стойте! Послушайте! Это я виноват, что французы наступают! Я сейчас постараюсь всё исправить!

Бояре притихли.

— В чём твоя вина, отрок? — сурово спросил самый старый из них.

— Я сказал на уроке, что Иван Грозный воевал с Бонапартом! Я не знал, когда началась первая Отечественная война, и брякнул просто наобум. За это мне вкатили двойку. Если я вспомню, в каком году Наполеон начал воевать с Россией, всё это исчезнет. Войны не будет! Я её остановлю.

— Не медли, останови войну, отрок! — ещё суровее потребовал старик. — Останови, пока тебя не казнил наш государь.

И все загалдели хором:

— Говори, а не то повесим!

— На дыбу его! Живо вспомнит.

Хорошенькое дело, вспомнит! Можно вспомнить то, что забыл, а вот как вспомнить то, чего не знаешь? Нет, я ничего не мог вспомнить. Брякнуть опять что-нибудь наугад? Это не выход. Можно надевать ещё более страшных ошибок. И я сознался, что не могу вспомнить.

Все с рёвом бросились на меня и, конечно, стащили бы со стола и растерзали, если бы в кабинет не ворвались гранадёры с ружьями наперевес. Всё заволокло дымом.

Сквозь выстрелы и крики я услышал голос Кузи.

— Зови Географию! Не хочешь? Тогда хоть папе позвони!

И меня озарило!

— Вспомнил! Вспомнил, — закричал я. — Отечественная война началась в 1812 году!

И сразу всё стихло... Всё вдруг побледнело-растаяло... Облако голубого дыма окутало меня и Кузю, а когда оно рассеялось, я увидел, что сижу под деревом в лесу, а на коленях у меня калачиком свернулся мой Кузя. Мяч лежал у моих ног. Всё это было очень странно, но мы уже привыкли к странностям в этой странной стране. Наверное, я бы не удивился, если бы даже сам превратился в слона, а Кузя в дерево. Или наоборот.

— Объясни мне, пожалуйста, — спросил кот, — как ты вспомнил то, чего не знал?

— Когда папе поставили на работе новый телефон, мама никак не могла его запомнить, и папа сказал ей: «Но ведь это так просто! Первые три цифры такие же, как у

нашего домашнего телефона, а последние четыре — год Отечественной войны — 1812». Когда ты просил позвонить папе, я вспомнил это. Теперь я это твёрдо запомню, а вернусь домой, обязательно прочту и выучу всё про Ивана Грозного. Подробно разузнаю про всех его сыновей, особенно про Федю. А вообще-то, здорово, Кузя, что я смог себе помочь. Знаешь, как приятно самому правильно решить задачу? Это всё равно, что забить гол.

— Или поймать мышь, — вздохнул Кузя.

Мяч шевельнулся и тихо покатился по траве. Мы с Кузей пошли за ним. Путешествие наше продолжалось.

— А всё-таки здесь очень интересно, — сказал я. — Каждую минуту нас ожидает приключение.

— И всегда или неприятное, или опасное, — проворчал Кузя. — Что касается меня, я сыт по горло.

— Но зато как много необыкновенного мы здесь повидали! Все ребята будут мне завидовать, когда я им расскажу про эту Страну Невыученных Уроков. Зоя Филипповна вызовет меня к доске. В классе будет стоять тишина, только девочки будут

ахать и охать. Может быть, Зоя Филипповна даже пригласит директора послушать мой рассказ.

— Неужели ты думаешь, что тебе кто-нибудь поверит? — спросил Кузя. — Да тебя просто засмеют!

— Почему?

— Разве люди верят в то, чего они не видели собственными глазами? И потом, твоих слов никто не сможет подтвердить.

— А ты? Я возьму тебя с собой в класс. Уже одно то, что ты умеешь говорить по-человечьи...

— Медведь! — вдруг крикнул Кузя.

Прямо на нас из лесу выскочил разъярённый белый медведь. Пар валил от него. Пасть была оскалена, и огромные зубы выставлены напоказ. Это был конец... Но Кузя, мой дорогой Кузя!..

— Прощай, хозяин! — закричал Кузя. — Я убегаю от тебя на север!

И кот бросился бежать, а медведь с рёвом устремился за ним. Кузина военная хитрость удалась. Он спас меня. Но сам...

Я побрёл за мячом. Без Кузи было очень грустно. Может, медведь растерзал его в

ключья? Лучше бы Кузя не ходил со мной в эту страну.

Чтобы мне не было уж так одиноко и тоскливо, я пел:

Идёшь по стране ты безлюдной
И сам себе песню поёшь.
Дорога не кажется трудной,
Когда вместе с другом идёшь.
И то, что он друг, ты не знаешь,
И с ним ты не хочешь дружить.
Но только его потеряешь,
Как грустно становится жить.

Я очень тосковал по Кузе. Что бы там кот ни говорил, глупое или смешное, он всегда желал мне добра и был верным другом.

Мяч остановился. Я огляделся. Справа от меня громоздилась гора, покрытая снегом и льдом. На вершине её, под заснеженной елью, сидели, дрожа от холода и прижавшись друг к другу, негритёнок и обезьяна. На них падал крупными хлопьями снег.

Посмотрел налево. И там была гора, но снег здесь не падал. Наоборот, жаркое солнце сияло над горой. На ней росли пальмы, высокая трава, яркие цветы. Под паль-

мой сидели чукча и мой знакомый белый медведь. Неужели я никогда от него не избавлюсь? Я подошёл к подножию Холодной горы и сразу замёрз. Потом подбежал к подножию Жаркой горы, и мне стало так душно, что захотелось стащить с себя майку. Тогда я выбежал на середину дороги. Тут было хорошо. Ни холодно, ни жарко. Нормально.

С гор слышались крики и стоны.

— Я весь трясусь, — жаловался негритёнок. — Холодные белые мухи больно жалят меня! Дайте мне солнце! Прогоните белых мух!

— Я скоро растаю, как тюлений жир, — плакал маленький чукча. — Дайте хоть немного снега, хоть кусочек льда!

Белый медведь ревел так, что заглушал всех:

— Дайте мне наконец север. Или я сварюсь в собственной шкуре!

Негритёнок заметил меня и сказал:

— Белый мальчик, у тебя доброе лицо. Спаси нас!

— Пожалей! — взмолился маленький чукча.

— Кто вас туда загнал? — крикнул я им снизу.

— Виктор Перестукин! — хором ответили мальчишки, медведь и обезьянка. — Он перепутал географические пояса. Спаси нас! Спаси!

— Не могу! Мне надо сперва отыскать своего кота. Потом, если у меня останется время...

— Спаси нас, — пискнула обезьяна. — Спаси, и мы отдадим тебе твоего кота.

— А разве Кузя у вас?

— Не веришь? Смотри! — рявкнул медведь.

И тотчас же на Жаркой горе появился мой кот.

— Кузя! Кис, кис, кис, — звал я кота и запрыгал от радости.

— Я умираю от жары, спаси! — прохрипел Кузя и исчез.

— Держись! Иду к тебе!

Я стал взбираться на гору. На меня пахнуло жаром, как из огромной духовки.

— Хозяин! — услышал я голос Кузи совсем с другой стороны.

Я оглянулся и увидел кота уже на Холодной горе, рядом с обезьянкой. Кузя дрожал от холода.

— Я замерзаю. Спаси!

— Держись, Кузя! Я бегу к тебе!

Быстро сбежав с Жаркой горы, я стал карабкаться на другую гору. Меня охватило холодом.

— Хозяин! — снова раздался Кузин голос.

Кот уже стоял на Жаркой горе рядом с медведем. Я скатился по льду на середину дороги. Мне стало ясно, что они не отдадут мне Кузю.

— Отдайте мне моего кота!

— А ты скажи: в каких поясах мы должны жить?

— Не знаю. Когда учительница рассказывала о географических поясах, я читал тайком книжку про шпионов.

Звери, услышав мой ответ, заревели, а мальчики заплакали. Медведь грозил меня растерзать, а обезьянка обещала выцарапать глаза. Кузя хрипел и задыхался. Мне было страшно жаль их всех, но что я мог сделать? Я обещал им выучить все моря и океаны, материки, острова и полуострова. Но они требовали одного: я должен был вспомнить географические пояса.

— Не могу! Не могу! — закричал я отчаянно и заткнул пальцами уши.

Сразу стало тихо. Когда я вытащил пальцы, то услышал голос Кузи:

— Я умираю... Прощай, хозяин...

Не мог я дать Кузе умереть. И я крикнул:

— Дорогая География, помогите!

— Здравствуй, Витя! — сказал кто-то возле меня. Я оглянулся. Передо мной стоял мой учебник географии.

— Ты не можешь вспомнить географические пояса? Какая чепуха. Ты же это знаешь. Ну, в каком поясе живёт обезьяна?

— В тропическом, — ответил я уверенно.

— А белый медведь?

— За Полярным кругом.

— Отлично, Витя. Взгляни направо, потом налево.

Я так и сделал. Теперь на Жаркой горе сидел весёлый негритёнок, ел банан и улыбался. Обезьянка взобралась на пальму и корчила смешные рожицы. Потом я взглянул на Холодную гору. Там развалился на льду белый медведь. Наконец-то его перестала мучить жара. Маленький чукча махал мне меховой рукавичкой.

— Где же мой Кузя?

— Я здесь.

Кот смиренно сидел у моих ног, обернув хвостом лапы. География спросила меня, что же я желаю: продолжать путешествие или вернуться домой?

— Домой, домой, — замурлыкал Кузя и прищурил свои зелёные глаза.

— Ну а ты, Витя?

Я тоже хотел домой. Но как туда попасть? Мой мяч куда-то снова исчез.

— Теперь, когда я с вами, — спокойно сказал учебник географии, — никакой мяч не нужен. Я знаю все дороги в мире.

География махнула ручкой, и мы с Кузей поднялись в воздух. Поднялись и тут же опустились у порога нашего дома. Я вбежал в свою комнату. Как я соскучился по дому! Здравствуйте, столы и стулья! Привет вам, стены и потолок! А вот и мой милый стол с разбросанными учебниками и гвоздями.

— Как хорошо, Кузя, что мы уже дома!

Кузя зевнул и прыгнул на подоконник.

— Завтра же ты пойдёшь со мной в школу и подтвердишь мой рассказ о Стране Невыученных Уроков. Ладно?

Кузя разлёгся на подоконнике и стал размахивать хвостом. Потом вскочил на

лапы и уставился в окно. Я тоже выглянул. По двору важно шла Топси — кошка Люси Карандашкиной.

— Слушай меня, — строго сказал я Кузе. — Завтра же ты... Почему ты не отвечаешь? Кузя!

Кот упорно молчал. Я потянул его за хвост. Он мяукнул и спрыгнул с подоконника. Всё! Я понял, что больше не услышу от него ни одного слова.

Учебник географии, наверно, стоял за дверью. Я выбежал, чтобы пригласить его в дом.

— Входите, дорогая География!

Но за дверью никого не было. На пороге валялась книга. Это был мой учебник географии.

Из кухни слышался мамин голос.

Как я мог забыть о ней! Как посмел, не спросясь, улететь в Страну Невыученных Уроков? Бедная мамочка, она ведь страшно беспокоилась.

Мама вошла в комнату. Моя дорогая, самая лучшая, самая красивая, самая добрая мама на свете. Но она ничуть не казалась взволнованной.

— Ты беспокоилась обо мне, мамочка?

Она удивлённо на меня посмотрела. Это, наверно, потому, что я редко называю её мамочкой.

— Я всегда беспокоюсь о тебе, — ответила мама. — Скоро экзамены, а ты так плохо готовишься. Горе ты моё!

— Мамочка, мамочка моя дорогая! Я больше не буду горе твоё!

Она нагнулась и поцеловала меня. Она тоже редко это делала. Наверно потому, что я... Да ладно уж! И так понятно.

Мама ещё раз поцеловала меня, вздохнула и пошла на кухню. От неё остался вкусный запах жареной курицы. Уходя, она включила радио, и я услышал: «В передаче принимали участие учительница школы номер двенадцать Зоя Филипповна Краснова и ученица этой же школы Катя Пятёркина. Передача для детей окончена».

Что такое? Нет, этого не может быть! Неужели за это время, пока шла радиопередача, я успел побывать... Так вот почему мама ничего не заметила!

Я взял дневник и снова прочёл, какие уроки были заданы на завтра. Исправил

задачу о землекопах, правильно решил задачу о портном.

Явилась Люська Карандашкина с распущенной косичкой. Я не хотел ей рассказывать о своём путешествии... но не удержался. Рассказал. Конечно, она не поверила. Я очень рассердился на неё.

На другой день после уроков у нас было классное собрание. Зоя Филипповна попросила неуспевающих ребят рассказать, что им мешает хорошо учиться. Каждый что-нибудь да выдумывал. А когда дошла очередь до меня, я прямо сказал, что мне никто не мешает. Вернее, мешает один человек. И этот человек — я сам. Но я буду с собой бороться. Все ребята удивились, потому что я раньше никогда не давал обещания бороться с собой. Зоя Филипповна спросила, почему и как я додумался до этого.

Я молчал. А Люська закричала во весь голос:

— Я знаю! Знаю! Он побывал в Стране Невыученных Уроков.

Ребята зашумели, стали просить, чтобы я рассказал об этом путешествии. Я отказывался. Всё равно они мне не поверят. Но ребята обещали поверить, если будет инте-

ресно. Я ещё немножко поломался, а потом попросил тех, кто хочет есть, уйти и не мешать, потому что я буду рассказывать очень долго. Конечно, есть хотелось всем, но никто не ушёл. И я начал рассказывать всё с самого начала, с того дня, когда я схлопотал пять двоек. Ребята сидели очень тихо и слушали. Я рассказывал и всё поглядывал на Зою Филипповну.

Мне казалось, что вот-вот она остановит меня и скажет: «Хватит тебе, Перестукин, выдумывать, лучше бы уроки учил, как человек». Но учительница молчала и внимательно слушала. Ребята не спускали с меня глаз, иногда потихоньку смеялись, особенно когда я рассказывал о Кузиных историях, иногда волновались и хмурили брови, иногда удивлённо переглядывались. Они слушали бы ещё и ещё. Но я уже кончил свой рассказ, а они всё молчали и смотрели мне в рот.

— Ну вот и всё. Молчите? Так я и знал, что вы мне не поверите.

Ребята загалдели. Все сразу, наперебой, они говорили, что если я даже и придумал, то придумал так здорово, так интересно, что можно поверить.

— А вы, Зоя Филипповна, верите? — спросил я учительницу и посмотрел ей в глаза. Если бы я всё это придумал, посмел бы я вот так спросить её?

Зоя Филипповна улыбнулась и погладила меня по голове. Это было совсем удивительно.

— Верю. Я верю, что ты, Витя, будешь хорошо учиться.

И правда, я теперь стал лучше учиться. Даже правильная Катя сказала, что я улучшаюсь. Женьчик это подтвердил. А вот Люська по-прежнему хватает двойки и ходит с распущенной косой.

Экзамены я выдержал и в пятый класс перешёл. Правда, иногда мне очень хочется поговорить с Кузей, вспомнить о том, что было с нами во время путешествия в Страну Невыученных Уроков. Но он молчит. Я даже стал любить его чуть-чуть меньше. Недавно я даже сказал ему:

— Ну, Кузя, понравится тебе или нет, но я всё-таки заведу собаку. Овчарку!

Кузя фыркнул и отвернулся.

Для среднего школьного возраста

Лия Борисовна Гераскина

В СТРАНЕ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ

Повесть

Художник Т. Казачкова

Рисунок на обложке Е. Нитылкиной

Редактор М. Калугина

Художественный редактор Н. Василевская

Компьютерный дизайн А. Вовикова

Компьютерная верстка И. Алексин

Корректор Т. Тарасова

Подписано в печать 21.07.06. Формат 60х90/16. Усл.печ.л. 8.

Гарнитура «Прагматика». Бумага офсетная. Печать офсет.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 893.

«Стрекоза-Пресс», 113054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 21, стр. 3.

ФГУП «Детская книга» МПТР РФ. 127018, г. Москва, Суцеский вал, 49.

Отпечатано в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».

170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46. ☎

Телефоны для реализации:

(495) 641-10-27, (4872) 41-06-37

107076, г. Москва, Стромынский пер., 4.

E-mail: strecoza@df.ru

Наш сайт: www.strecoza.ru

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

Стрекоза-Пресс

*География сказала, что лучше
всего будет отправить меня
в Страну Невыученных Уроков.
— Так и быть. Отправляйте
меня в вашу опасную страну, —
согласился я.*

ISBN 5-479-00024-1

9 785479 000249 >

В Стране Невыученных Уроков

А. Гераскина

